

ОЛЕТ КРОМ

СВИДЕТЕЛЬ
МАСКАРАДА

КНИГА ПЕРВАЯ

Олег Кром

Свидетель Маскарада.
Книга первая

«Автор»

2026

Кром О.

Свидетель Маскарада. Книга первая / О. Кром — «Автор», 2026

Марк Вейнер — обычный медицинский аналитик. Его жизнь состоит из работы, пустой квартиры и редких попыток не сойти с ума от одиночества. Одна ночь в промзоне меняет все. Став случайным свидетелем схватки вампиров и оборотня, Марк оказывается втянут в мир, о существовании которого людям не положено знать. Мир тайных ковенов, кровавых договоров и жестоких протоколов, где за знание платят жизнью. Его спасает Элира Нокс - вампир и оперативник ковена. Теперь она его куратор, его защита и его возможный палач. Пока Марк учится выживать среди хищников, за ним охотится стая оборотней, полиция приближается к разгадке, а внутри вампирского Совета зреет заговор. «Свидетель Маскарада» - мрачный городской фэнтези-триллер о выборе между долгом и человечностью, о цене спасения и о том, как одна ошибка может развязать войну между мирами.

© Кром О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 – Ночная ошибка	5
ГЛАВА 2 – Маскарад	24
ГЛАВА 3 – Территория стаи	36
ГЛАВА 4 – Запретная близость	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олег Кром

Свидетель Маскарада. Книга первая

ГЛАВА 1 – Ночная ошибка

Дождь стучал по крышам заброшенных цехов промзоны «Ржавый Пояс» неритмичным метрономом, отсчитывающим последние минуты тишины. В воздухе пахло окисленным металлом, стоячей водой и чем-то еще – едким, звериным, чуждым городскому смогу. Марк Вейнер торопливо шел по краю разбитой дороги, кутаясь в тонкое осеннее пальто. Портфель с отчетами давил на плечо тупой тяжестью. Сократить путь через промзону была плохая идея, но автобус сломался, а такси в этом забытом богами и мэрией районе были мифом.

Мысли путались: цифры лабораторных анализов, невыплаченная ипотека, одинокий ужин из разогретого супа. Обычная жизнь. Скучная, безопасная, человеческая. Он даже не заметил, когда привычный шум города – гул магистрали, дальний гул поездов – исчез, растворившись в густом мокром мраке между корпусами. Тишина стала физической, давящей.

И тогда он услышал звук.

Не грохот и не крик. Сначала – низкое, булькающее рычание, будто из огромной глотки вырывается кипящая грязь. Потом – щелчок, сухой и точный, как ломающаяся кость. Марк замер, сердце колотилось где-то в горле. Инстинкт, древний и неоспоримый, кричал бежать. Но любопытство, это чисто человеческое проклятие, заставило его заглянуть за угол расписного граффити корпуса.

На освещенном тусклым желтым фонарем пятке асфальта двигались тени. Нет, не тени – существа. Две фигуры, неестественно быстрые и гибкие, сражались с третьей, массивной и чудовищной. Марк прижался к холодной бетонной стене, глазам не веря.

Человекоподобные были похожи на изможденных, но невероятно точных в движениях гимнастов. Их кожа бледно отсвечивала в лужах. Один из них, мужчина в темном, рваном плаще, сделал прыжок назад, уклоняясь от лапы размером с его голову. Его товарищ, женщина с черными, слипшимися от дождя волосами, бросилась вперед с тихим шипением. В ее руке блеснуло лезвие – не нож, что-то длиннее, тоньше, похожее на хирургический скальпель, но сделанный из тусклого металла.

Их противник был оборотнем. Это слово само всплыло в сознании Марка, откуда-то из детских кошмаров и плохих фильмов. Но реальность была в тысячу раз хуже. Существо на двух ногах, покрытое щетинистой, мокрой шерстью цвета запекшейся крови. Морда, вытянутая в звериный оскал, полная кинжаловидных клыков. Руки-лапы с когтями, оставлявшими борозды на асфальте. Глаза – горящие желтые точки, лишённые разума, полные только ярости и голода.

Женщина-вампир – Марк уже не сомневался, что это они, – метнула лезвие. Оно вонзилось оборотню в плечо, но тот лишь рявкнул, вырвал его и швырнул в сторону. Рана быстро стягивалась, дымясь в холодном воздухе. Вирус против гена. Биологическое оружие против биологического кошмара.

«Уходи, Элира! Он на призыве!» – крикнул мужчина, его голос был хриплым, напряженным. В нем звучала не просто тревога, а холодный ужас.

Оборотень, воспользовавшись секундной паузой, бросился на него. Удар лапы пришелся по касательной, но этого хватило, чтобы отшвырнуть вампира в стену с глухим стуком. Тот осел, пытаясь подняться, но его нога была вывернута под невозможным углом.

Элира – значит, ее звали Элира – не отступила. Она встала между раненым товарищем и чудовищем. Ее поза была не героической, а отчаянно-практичной: ноги слегка согнуты, руки опущены, пальцы сжаты в кулаки. Казалось, она пыталась что-то сказать, шипящие слова на непонятном языке, похожем на смесь латыни и шепота.

Оборотень завыл. Звук был таким, от которого кровь стыла в жилах. Он сделал шаг, потом другой, целясь именно в нее. Его желтый взгляд скользнул мимо укрытия Марка.

И остановился.

Ноздри огромной морды дрогнули, втягивая воздух. Голова медленно повернулась. Желтые глаза, полные лунного безумия, уперлись прямо в Марка. Запах человека. Свежей, теплой, незащищенной крови. Охотничий инстинкт переключился мгновенно. Война с вампирами была политикой. Человек – это пища. Просто. Ясно.

Марк отпрянул, спина больно ударилась о выступ трубы. Оборотень рыкнул, отбросив Элиру в сторону одним взмахом лапы, и двинулся к нему. Каждый шаг тяжелого тела отдавался в земле. Марк видел, как с клыков стекает слюна, смешанная с дождевой водой и чужой кровью. Мысли превратились в одно сплошное белое поле паники. Бежать? Куда? Кричать? Кто услышит?

Элира, поднимаясь с земли, увидела это. Увидела, как взгляд твари переключился на темный угол. Увидела бледное, искаженное страхом лицо человека. Обычного человека. И что-то в ней сломалось. Не приказ ковена, не стратегия, не даже инстинкт самосохранения. Что-то более старое, закопанное глубоко под слоями вековой холодности. Воспоминание о собственном человеческом сердце, которое когда-то билось так же часто от страха.

Она двинулась не к раненому напарнику, не для того чтобы добить врага. Она бросилась наперерез, развив такую скорость, что ее фигура на мгновение расплылась в дождевой пелене.

Марк зажмурился, услышав тяжелое дыхание прямо перед собой, чувствуя запах гниющего мяса и мокрой шерсти. Он ждал удара, боли, конца.

Но боль не пришла. Вместо нее раздался сдавленный, хриплый вопль, полный боли и ярости. Марк открыл глаза.

Элира висела на спине оборотня, вцепившись одной рукой в гриву на его загривке, а другой – в его морду, пытаясь отклонить огромную голову прочь от человека. Ее собственное лицо было искажено нечеловеческим напряжением. Глаза, которые в тусклом свете казались просто темными, теперь горели внутренним, алым отсветом, как тлеющие угли. Из ее рта были

видны удлиненные, острые клыки. Она не была больше похожа на изящную тень. Она была хищницей, вступившей в смертельную схватку с другим хищником за... за что?

«Беги!» – ее голос прозвучал хрипло, сдавленно, но в нем была сталь.

Оборотень взревел, вставая на дыбы, пытаясь сбросить ее. Когтистая лапа взметнулась, целясь ей в бок. Элира извернулась, но коготь все же задел ее, распоров ткань и плоть. Темная, почти черная кровь брызнула на асфальт. Она не закричала, только резко выдохнула, но хватка ее ослабла.

Марк стоял, парализованный. Перед ним умирали – или сражались насмерть – монстры из сказок. И одна из них только что спасла ему жизнь. Разум отказывался это принимать. Протоколы, анализы, логика – все рассыпалось в прах.

Оборотень, наконец, сбросил Элиру. Она упала на колени, прижимая руку к боку, из которого сочилась кровь. Чудовище, теперь израненное и еще более яростное, снова повернулось к Марку. Но теперь в его движении была звериная уверенность – добыча ранена, отвлекающий маневр устранен.

И тогда в Марке что-то перещелкнуло. Страх не исчез, он достиг такой плотности, что превратился во что-то иное. В ясность. Перед ним было живое существо, которое хочет его убить. А он, Марк Вейнер, медицинский аналитик, тридцать два года, не хотел умирать в луже в промзоне. Его взгляд упал на землю. Там, в полуметре, валялся обломок арматуры, ржавый и тяжелый.

Оборотень сделал последний рывок.

Марк, не думая, наклонился, схватил холодный, шершавый металл и изо всех сил, с криком, в котором вырвались наружу все его страх и ярость, размахнулся.

Удар пришелся по вытянутой морде. Он почувствовал, как арматура со скрежетом встречается с костью. Оборотень отшатнулся с потрясенным, почти человеческим ворчанием. Это не было смертельно. Это даже не было серьезно ранено для такой твари. Но это было неожиданно. Добыча дала сдачи.

Этой секунды хватило.

Сверху, с крыши низкого здания, упала тень. Не упала – обрушилась, как черный град. Это был третий, ранее невидимый наблюдатель. Мужчина в безупречном темном костюме, промокшем до нитки, но не потерявшем вида. Его движения были безупречно экономичными, лишены суеты Элиры и ее напарника. Он приземлился прямо на спину оборотня, и в его руке блеснуло что-то серебристое и тонкое – стилет.

Одно точное, молниеносное движение – и серебряный клинок вошел оборотню в основание черепа. Рев оборвался, превратившись в булькающий хрип. Массивное тело затрепетало, потом осело на землю, уже не как грозный хищник, а как грубая биомасса, из которой быстро уходила жизнь. Труп начал менять форму, шерсть втягивалась, кости с хрустом смещались обратно, к человеческому подобию, уже бездыханному.

Наступила тишина, нарушаемая только шумом дождя и тяжелым дыханием Элиры.

Незнакомец в костюме вытер стилет о плащ павшего оборотня и повернулся. Его лицо было аристократически-холодным, с высокими скулами и пронзительными, светло-серыми глазами, которые казались слепыми в этом мраке, но Марк чувствовал – они видят все. Все до мелочей.

«Безрассудно, Элира, – его голос был тихим, бархатным, и от этого еще более опасным. – Рисковать собой и нарушать протокол ради... человека». Он бросил взгляд на Марка, полный такого ледяного презрения, что тому стало физически холодно. «Ты знала, что за тобой следят? Или надеялась на милость Совета?»

Элира, стиснув зубы, поднялась на ноги. Ее рана уже не текла так сильно, но она была бледна как смерть. «Он был свидетелем, Виктор. Протокол предписывает устранять свидетелей или изолировать. Я изолировала».

Виктор. Имя прозвучало как приговор.

«Изолировала? – Виктор Рейвенкрофт медленно приблизился. Его взгляд скользнул по лицу Марка, по арматуре в его дрожащей руке. – Он атаковал тварь. Видел слишком много. Слишком много для простой изоляции. Он знает нашу силу, нашу слабость, видел трансформацию. Это нарушение Маскарада в чистом виде».

«Он ничего не знает!» – выдохнула Элира, но в ее голосе была неправда, и они все это слышали.

«Он знает теперь, – мягко сказал Виктор. – И его знание – угроза. Угроза равновесию». Он сделал шаг к Марку. Тот отступил, наткнувшись на стену. Бежать было некуда. «Простое, чистое решение. Как и должно быть».

Элира мгновенно оказалась между ними, несмотря на рану. «Нет. Он под моей защитой».

Виктор замер. В его холодных глазах вспыхнул искренний, почти удивленный интерес. «Твоей защитой? На каком основании, оперативник Нокс? По приказу ковена? По указу Совета? Или... – он наклонил голову, изучая ее лицо, – по личному капризу?»

Марк смотрел на спину вампирши, на темное пятно крови на ее боку. Она дрожала – от боли, от напряжения, от чего-то еще. Она защищала его. Незнакомого человека. Почему?

«Он не представляет угрозы, – сказала она, и ее голос обрел твердость. – Я беру ответственность. Я его... куратор. Я обеспечу его молчание».

Виктор тихо рассмеялся. Звук был сухим, как шелест осенних листьев. «Куратор. Какая трогательная сентиментальность. И полное пренебрежение к закону. Совету Теней это будет крайне интересно узнать. Как и твоему прямому начальству». Он отступил на шаг, его стилет исчез в складках одежды. «Хорошо. Пусть будет по-твоему. Но помни, Элира: его жизнь теперь висит на твоей. Одно его неверное слово, один неверный шаг – и последствия падут не только на него. На тебя. И на всех, кого ты этим жестом попыталась защитить. Баланс, дорогая. Он требует жертв. Часто невинных».

Он бросил последний взгляд на Марка – взгляд ученого на интересный, но опасный образец. «Наслаждайся своей человечностью, пока она у тебя есть. И помни: ночь теперь видит тебя».

Не попрощавшись, Виктор Рейвенкрофт растворился в тени между зданиями, будто его и не было.

Наступила тишина, теперь по-настоящему гнетущая. Дождь стихал, превращаясь в морось. Элира обернулась. Ее алое свечение в глазах погасло, осталась только глубокая усталость и боль. Она смотрела на Марка, и в ее взгляде было что-то невыносимое: вина, страх, и та самая непонятная решимость, что заставила ее вступить в бой.

«Ты... – начал Марк, но голос сорвался. Он все еще сжимал арматуру. – Ты... что вы...»

«Заткнись, – тихо, но четко сказала она. – Не задавай вопросов. Если хочешь жить, забудь. Забудь все, что видел. Иди домой».

«Забыть? – хрипло рассмеялся Марк, и смех перешел в истеричную дрожь. – Ты шутишь? Это... это...»

«Это твой единственный шанс, – перебила она. Подошла ближе. Теперь он видел все детали ее лица: идеальную кожу, слишком бледную, тонкие шрамы у виска, которые казались древними, глубину ее темных глаз. От нее пахло дождем, кровью и чем-то холодным, как старый камень. – Я спасла тебя сейчас. Но я не смогу спасти тебя от всего нашего мира. Он тебя сожрет. Иди. Сейчас».

Она сделала шаг назад, давая ему дорогу. Марк посмотрел на распростертое тело оборотня, уже почти полностью принявшее человеческий облик – тело крупного мужчины в рваной рабочей одежде. Посмотрел на своего спасителя и нового палача, Виктора, исчезнувшего во тьме. Посмотрел на нее – Элиру, раненую, опасную, непонятную.

Инстинкт самосохранения наконец пересилил шок. Он бросил арматуру. Звон металла об асфальт прозвучал невероятно громко.

Не говоря больше ни слова, Марк Вейнер повернулся и побежал. Не оглядываясь. Бежал сквозь дождь, мимо темных корпусов, по разбитой дороге, назад к огням города, к нормальности, к своей старой жизни. Он бежал, чувствуя на спине ее взгляд. Взгляд, который уже никогда не отпустит.

А Элира Нокс стояла под дождем, прижимая руку к ране, и смотрела, как убегает ее ошибка. Ее спасение. Ее возможная гибель. Она знала, что Виктор не отступил. Он дал ей длину веревки, чтобы она сама на ней повесилась. И теперь к этой веревке был привязан хрупкий, ничего не понимающий человек по имени Марк.

Она взглянула на небо, где за тучами скрывалась луна. Холод вирусной крови внутри нее бушевал, требуя покоя, требуя питания для заживления. Но более страшный холод – холод последствий – уже сковывал ее изнутри. Война начинается не с выстрелов, а с тихих, неправильных решений в промозглой ночи. И она только что приняла одно из них.

Свет в лаборатории был слишком ярким, стерильным, лживым. Марк Вейнер пялился в микроскоп, но вместо клеточных культур на предметном стекле видел вспышки: желтые глаза во тьме, темную кровь на асфальте, бледное лицо женщины, вцепившейся в спину чудовища. Его пальцы дрожали, когда он регулировал фокус. Третья попытка. Он не мог сосредоточиться.

«Вейнер, у тебя там все в порядке?» – голос коллеги из соседнего кабинета прозвучал как из-под толстого стекла. Марк вздрогнул, едва не уронив пробирку.

«Да, да, все хорошо. Просто мигрень», – пробормотал он, стараясь, чтобы голос не сорвался.

Он провел рукой по лицу. Прошло сорок восемь часов. Сорок восемь часов с того момента, как он бежал из промзоны. Сорок восемь часов попыток убедить себя, что это был психотический срыв, галлюцинация от переутомления. Но царапины на запястье, оставленные неровным краем той арматуры, были реальны. Запах мокрой шерсти и медного страха, преследовавший его даже после долгого душа, был реален. И тень, которую он заметил прошлой ночью напротив своего дома, стоящую неподвижно под фонарем, – она тоже была реальна.

Рабочий день тянулся мучительно. Каждый звук заставлял его вздрагивать. Каждый незнакомец в коридоре казался потенциальным наблюдателем. Он ловил себя на том, что прихихивается к воздуху, ища тот самый холодный, каменный запах. Безумие. Он сходил с ума.

Когда часы наконец показали шесть вечера, Марк почти выбежал из здания, не отвечая на прощальные кивки коллег. Осенний воздух был влажным и пронизывающим. Он застегнул пальто на все пуговицы и быстрым шагом направился к станции метро, выбирая самый людный маршрут. Толпа, казалось, должна была давать утешение. Но теперь он видел в ней не безопасность, а море уязвимых тел, за которыми мог следить любой хищник.

Он зашел в маленький супермаркет у дома, покупая еду механически: замороженная пицца, кофе, яблоки. Его рука сама потянулась к полке с чесноком, и он с отвращением отдернул ее. Фольклор. Глупости. Но что, если нет? Он все равно взял упаковку.

На выходе из магазина его остановил полицейский. Офицер средних лет, с усталым, но внимательным лицом. Марка бросило в холодный пот.

«Марк Вейнер?» – спросил полицейский, сверяясь с планшетом.

«Да... это я. В чем дело?»

«Я инспектор Томас Хейл. Можно задать вам несколько вопросов?»

Сердце Марка забило так сильно, что он боялся, что офицер это услышит. Они нашли тело. Тело того... того, во что превратился оборотень. Его обвинят в убийстве.

«Каких вопросов?» – голос стал хриплым.

«В ночь на среду вы были в районе промзоны «Ржавый Пояс»?»

«Я... я проходил там. Срезал путь. Автобус сломался», – слова вылетали пулеметной очередью.

Хейл наблюдал за ним с профессиональной отстраненностью. «Вы ничего необычного не видели? Не слышали? Может, драку, странные звуки?»

Марк почувствовал, как по спине ползет ледяной пот. Маскарад. Закон, о котором говорил тот холодный тип, Виктор. Одно неверное слово.

«Нет. Ничего. Было темно, шел дождь. Я просто торопился домой».

Инспектор Хейл задержал на нем взгляд на секунду дольше необходимого. «Понимаете, там было найдено тело. Мужчины. Со следами насильственной смерти. Очень... необычными следами».

«Я ничего не видел», – повторил Марк, глядя ему прямо в глаза, стараясь не мигать.

Хейл кивнул, но в его взгляде читалось недоверие. «Хорошо. Если что-то вспомните, вот моя карта. Любая мелочь может быть важна». Он протянул визитку. Марк взял ее дрожащими пальцами. «И будьте осторожнее, мистер Вейнер. Это небезопасный район. Особенно по ночам. Особенно в последнее время».

После ухода полицейского Марк несколько минут стоял, прислонившись к стене, пытаясь перевести дыхание. Они ищут. И Хейл что-то подозревает. Он не верит, что это просто убийство. Маскарад дает трещину, и трещина эта ведет прямо к нему.

В это же время в другом месте города, где неон рекламных вывесок отражался в черных окнах небоскребов, Элира Нокс стояла на коленях в Зале Молчания. Это была круглая комната без окон в подвальном уровне одного из старинных особняков в деловом квартале, официально числящегося фондом культурного наследия. Стены были отделаны темным дубом, а воздух пах ладаном, воском и едва уловимым, сладковатым запахом старой крови – крови, взятой по договору, крови как дани.

Перед ней, на возвышении, сидели трое. Совет Старших этой ветви ковена. В центре – Селена Восс, вампирша с волосами цвета воронова крыла, уложенными в строгую гладкую прическу. Ее лицо было безупречной маской аристократической холодности. Справа – пожилой, казалось бы, мужчина с бородкой, чьи глаза, однако, горели нестарческим, пронзительным интеллектом. Слева – Виктор Рейвенкрофт. Он сидел расслабленно, положив ногу на ногу, его пальцы были сложены шпилем. На его губах играла легкая, ничего не значащая улыбка.

«...и потому, учитывая угрозу полного провала операции и раскрытия нашего присутствия, я был вынужден ликвидировать лунного зверя, – мягко докладывал Виктор. – К сожалению, напарник оперативника Нокс был серьезно ранен и сейчас находится на регенерации. А сама оперативник Нокс позволила эмоциям взять верх над долгом».

Селена Восс повернула свой ледяной взгляд к Элире. «Встань».

Элира поднялась. Бок, где были когти оборотня, ныл глухой, сковывающей болью. Рана заживала, но медленно – яд, содержащийся в слюне и когтях оборотней, замедлял вирусную регенерацию. Она чувствовала слабость, голод. Но худшей была слабость моральная.

«Объяснись, – сказала Селена. – Почему ты атаковала зверя, когда он переключился на случайного свидетеля? Протокол предписывает в такой ситуации отступить и позволить естественному отбору сделать свою работу. Свидетель был бы устранен, баланс не нарушен».

Элира искала слова. Любые, кроме правды. «Я... оценила ситуацию как угрожающую дальнейшей конспирации. Агрессия зверя была неконтролируемой. Он мог вырваться за пределы зоны, увлечься погоней за человеком в жилые кварталы. Мое вмешательство было попыткой локализовать угрозу».

«Локализовать? – переспросил старший с бородкой. Его звали Кассиус. – Ценой ранения и привлечения еще большего внимания? Человек видел тебя. Видел твою силу. Видел зверя. И, как я понял из доклада Виктора, даже оказал... сопротивление». В его голосе прозвучало недоумение, смешанное с брезгливостью.

«Он ничего не понял, – твердо сказала Элира, глядя в пространство над их головами. – Шок, темнота, дождь. Он убежал, как убежал бы от любой уличной драки. Он не представляет угрозы».

«Он представляет угрозу по факту своего существования, – вмешался Виктор. Его голос был медовым, но каждый знал, что под медом – цианид. – Как и любое знание, которое не может быть контролируемо. Однако... я предложил компромисс. Оперативник Нокс так прониклась судьбой этого человека, что вызвалась стать его куратором. Взять на себя ответственность за его молчание и нейтрализацию в случае... необходимости».

Селена Восс подняла тонкую бровь. «Кураторство над человеком? Это беспрецедентно. И обременительно. Ты готова потратить свои ресурсы, свое время, чтобы следить за единственным смертным? Отвлекаясь от прямых обязанностей?»

«Я готова, – Элира почувствовала, как слова жгут ей губы. – Я исправлю свою ошибку. Я обеспечу, чтобы он никогда не заговорил. И если Совет сомневается в моей лояльности... это будет доказательством».

Кассиус и Селена переглянулись. Виктор следил за ними с интересом коллекционера.

«Очень хорошо, – наконец сказала Селена. – Твое кураторство утверждено. Но с условиями. Первое: человек не должен узнать о нас больше, чем уже знает. Любое дальнейшее раскрытие информации будет караться его немедленной ликвидацией и твоим... пересмотром статуса. Второе: ты отчитываешься о каждом контакте. Третье: если Совет или я сочтут, что угроза Маскараду с его стороны сохраняется, мы действуем без твоего участия. Понятно?»

Элира кивнула, сжав челюсти. «Понятно».

«И учти, – добавил Кассиус, – кровь его – под запретом. Никаких следов, никаких... увлечений. Мы не дикие звери, чтобы пить из случайных луж. Твое кураторство – это надзор, не более».

«Я понимаю».

«Свободна, – махнула рукой Селена. – И, Элира... не разочаруй нас снова. Ковен не прощает слабость дважды».

Элира поклонилась, развернулась и вышла из зала. Только когда тяжелая дубовая дверь закрылась за ней, она позволила себе выдохнуть, прислонившись к холодной каменной стене коридора. Ее рука непроизвольно потянулась к боку. Голод скручивал желудок спазмом, требуя топлива для заживления. Обычно она посещала санкционированные клиники, где добровольные доноры, подписывающие странные контракты, давали кровь за деньги. Но сейчас ей было нужно нечто большее. Покой. А его не было.

Из тени в конце коридора вышел Виктор. Он шел неспешно, поправляя манжеты.

«Искусно сыграно, – сказал он тихо. – Хотя твои старшие все равно тебе не верят. Они просто хотят посмотреть, как высоко ты сможешь прыгнуть с этой ношей на шее».

«Что тебе нужно, Виктор?» – спросила Элира, не скрывая усталости.

«Я? Я хочу помочь. Баланс – такая хрупкая штука. И твой новый подопечный... Марк Вейнер, верно? Он теперь точка напряжения. Полиция уже им интересуется. Инспектор Хейл – упрямый человек. Любопытный. Если он докопается...»

«Я с ним разберусь».

«Конечно, разберешься, – Виктор улыбнулся. – Но позволь дать совет. Не питай иллюзий. Он – человек. Он будет бояться, потом любопытствовать, потом совершать глупости. Его природа – искать объяснения. И рано или поздно он найдет их слишком много. Когда это случится... помни о своем долге перед ковенем. И о том, что у меня есть копия полного отчета о той ночи. Для Совета Теней, если понадобится».

Он прошел мимо, оставив после себя шлейф холодной угрозы. Элира закрыла глаза. Она была в ловушке. Ловушке собственного импульса и тонкой паутине Виктора.

Марк доплелся до своей квартиры, расположенной в типовой девятиэтажке на окраине центра. Он дважды обернулся в лифте, проверяя, не следуют ли за ним. Войдя, он запер дверь на все замки и задвинул цепочку, хотя понимал, что для тех, кого он видел, эти преграды – ничто.

Он бросил пакеты на кухонный стол и включил свет везде, даже в кладовке. Не помогло. Тишина квартиры стала давящей, полной невидимых угроз. Он подошел к окну, отодвинул штору. Напротив, на скамейке в сквере, сидела женщина. Одна. В темноте. Его сердце екнуло. Она сидела неподвижно, смотрящая в сторону его окна.

Сердцебиение участилось. Не она ли? Та самая? Нет, при свете фонаря он разглядел другое лицо, другую фигуру. Просто случайная прохожая. Он отпустил штору, рука дрожала.

Он пытался заняться привычными делами: поставить пиццу в духовку, включить телевизор. Мелькающие картинки не доходили до сознания. В голове вертелся вопрос: зачем? Зачем она это сделала? Она рисковала собой, своей... своей жизнью? Ради незнакомца. Почему?

Его мысли прервал тихий, но отчетливый стук в стекло. Не в дверь. В окно. В гостиной.

Марк замер. Он жил на пятом этаже.

Стук повторился. Терпеливый, металлический.

Медленно, как во сне, он подошел к окну и снова отодвинул штору.

За стеклом, в темном пространстве ночи, парила фигура. Элира. Она стояла на узком карнизе, которого, как Марк знал, практически не существовало. Ее черные волосы развевались на влажном ветру, лицо было бледным и напряженным. Она смотрела прямо на него. Одной рукой она держалась за раму, другой показала на ручку окна, чтобы он открыл.

Инстинкт кричал: нет, ни за что, беги, звони в полицию! Но другой голос, тихий и настойчивый, напоминал: она могла убить тебя тогда. И не сделала. Она спасла тебя.

Дрожащими руками он отщелкнул замок и потянул раму на себя. Холодный воздух и капли дождя ворвались в комнату.

Элира с легкостью, нарушающей все законы физики, шагнула внутрь, и ее ботинки тихо коснулись паркета. Она была в той же черной, облегающей одежде, что и тогда, но теперь поверх накинула длинный темный плащ. От нее исходил холод и тот самый запах – дождя, камня и слабого, сладковатого металла.

Они стояли друг напротив друга в ярко освещенной гостиной. Марк, в помятой домашней одежде, чувствовал себя невероятно уязвимым и маленьким. Она же казалась иконой из другого мира, тревожной и прекрасной.

«Ты, – выдохнул он. – Ты...»

«Мы должны поговорить, – ее голос был низким, ровным, но в нем слышалось напряжение. – Закрой окно».

Марк машинально подчинился, затем повернулся к ней, прислонившись спиной к подоконнику, как бы ища опоры. «Что ты здесь делаешь? Как ты...» он махнул рукой в сторону окна.

«Это не важно. Важно то, что ты теперь знаешь. И что ты сделал с этим знанием».

«Я никому не сказал! – сразу выпалил Марк. – Этот полицейский... он спрашивал. Но я ничего не рассказал».

Ее глаза сузились. «Полицейский? Какой полицейский?»

«Инспектор Хейл. Он ищет... тело того, другого. Он что-то подозревает».

Элира закрыла глаза на мгновение, словно переживая внутреннюю боль. «Хейл. Это хуже, чем я думала. Он... он не остановится».

«Кто вы? – спросил Марк, и его собственный голос прозвучал тихо, но настойчиво. – Что это было? И почему... почему ты меня спасла?»

Она посмотрела на него, и в ее темных глазах мелькнуло что-то сложное, что-то похожее на жалость и досаду одновременно. «Мы – то, о чем люди рассказывают сказки, чтобы объяснить ужас по ночам. А я спасла тебя, потому что... потому что это была моя ошибка. Ты оказался не в том месте. И теперь это моя ответственность».

«Ответственность? Какая?»

«Я твой куратор, Марк Вейнер. Это значит, что отныне я отвечаю за твоё молчание. За твою безопасность от нашего мира. И... – она сделала паузу, – за твою нейтрализацию, если ты станешь угрозой».

В комнате повисла тишина, нарушаемая только тиканьем часов и шумом дождя за окном. Слово «нейтрализация» прозвучало так же холодно и окончательно, как стук того серебряного стилета о землю.

«Ты... убьешь меня, если я кому-то расскажу?» – спросил он, почти шепотом.

«Мне этого не хочется, – ответила она честно. – Но если придется, это сделаю я. Или кто-то другой. И это будет быстрее и милосерднее, чем то, что сделают с тобой другие фракции, если узнают, что ты – слабое звено. Ты видел оборотня. Он был не один. Его стая уже ищет мстителей. Они не станут разбираться, виноват ты или нет. Для них ты – приманка, свидетель, добыча».

Марк почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он медленно сполз по стене, опустившись на корточки, и спрятал лицо в ладонях. «Боже. Боже мой. Что мне делать?»

Элира наблюдала за его человеческим отчаянием. Оно было таким живым, таким жарким. Оно будило в ней что-то давно забытое. Она сделала шаг вперед, но остановилась, будто боясь приблизиться.

«Ты будешь жить своей обычной жизнью, – сказала она, и в ее голосе появились нотки приказа, привычной для оперативника. – Ты будешь ходить на работу, общаться с людьми, но ты никогда, слышишь, никогда не заикнешься о том, что видел. Не будешь искать информацию. Не будешь говорить с полицией без моего разрешения. Ты забудешь».

«Я не могу забыть!» – крикнул он, поднимая лицо. Его глаза были полны слезами ярости и бессилия. «Это было реально! Это... ты реальна!»

Внезапно она оказалась рядом. Не видел, как она двинулась – просто в один момент она была у окна, в другой – в метре от него. Он вскрикнул от неожиданности.

«Да, я реальна, – прошипела она, и в глубине ее глаз снова вспыхнул тот самый тлеющий алый свет. Ее клыки удлинились, обнажаясь. Это не было угрозой ему. Это была реакция на стресс, на ее собственную боль и голод. – И реальность такова, что если ты не возьмешь себя в руки, ты умрешь. Хочешь жить? Тогда слушай меня».

Марк смотрел на ее лицо, искаженное внутренней борьбой, на эти клыки, на глаза, горящие нечеловеческим огнем. Страх достиг апогея и... схлынул. Осталось только опустошенное принятие. Он кивнул.

«Хорошо, – она отступила, и свет в ее глазах погас. Клыки скрылись. – Первое правило: никогда не открывай окно или дверь ночью, если не уверен на сто процентов, кто это. Второе: если увидишь что-то... необычное, не приближайся. Обратись ко мне. – Она достала из складок плаща обычный, дешевый сотовый телефон и бросила ему на пол. – В нем один номер. Набирай его только в случае прямой угрозы. Я буду проверять тебя. Мы будем встречаться. Ты должен научиться видеть опасность, чтобы избегать ее».

«Почему ты это делаешь? – снова спросил он, поднимая телефон. – Тебя заставили?»

Элира отвернулась, глядя в закрытое окно, за которым плелась ее настоящая жизнь. «Меня заставили обстоятельства. И мой выбор. Теперь и твой выбор – принять эти правила или умереть. Другого нет».

Она направилась к окну.

«Подожди, – позвал он. Она обернулась. – Как тебя зовут? По-настоящему?»

Она замерла. «Элира. Элира Нокс. Но для тебя это имя не должно значить ничего». Она открыла окно, и поток холодного воздуха снова ворвался в комнату. «Запри окно после меня. И не выглядывай, пока я не скроюсь из вида».

И прежде чем он успел что-то сказать, она шагнула в пустоту и растворилась в ночи.

Марк бросился к окну, но увидел лишь пустоту и падающий дождь. Как будто ее и не было. Но на паркете остались мелкие капли воды. И в его руке был телефон – твердое, уродливое доказательство того, что кошмар реален.

Он закрыл окно, защелкнул замок и отступил. Комната, его обычная, скучная комната, теперь казалась чужой, словно декорацией, под которой скрывался другой, темный мир. И он был частью этого мира теперь. Не как участник, а как пленник. Как слабое звено.

Он взглянул на телефон. Один номер. Линия жизни и смерти. И имя: Элира Нокс. Хищница, которая стала его ангелом-хранителем и потенциальным палачом.

Где-то в городе инспектор Хейл листал дело с необъяснимыми следами на теле. Где-то в тени Виктор Рейвенкрофт строил планы. Где-то в промзонах рычали новые оборотни, чуя

запах крови и мести. А он, Марк Вейнер, медицинский аналитик, сидел на полу своей гостиной, понимая, что обычная жизнь закончилась. Навсегда.

Голод был тлеющим углем в пустоте ее желудка. Он не кричал, как в первые десятилетия после Преображения, а тлел – низкое, постоянное давление, требующее топлива для регенерации. Яд из когтей оборотня действовал как чужеродный агент, заставляя ее древний вирус работать вхолостую, сжигая ресурсы. Элира стояла на крыше жилого дома напротив квартиры Марка, недвижимая, как горгулья. Плащ сливался с темнотой, а дождь, сменившийся мелкой изморосью, стекал по ее лицу, не вызывая дрожи. Холод был ей привычен.

Она наблюдала уже третью ночь. Протокол кураторства предполагал периодические проверки, но инстинкт – тот самый, что заставил ее броситься между человеком и зверем – диктовал иное. Она должна была убедиться, что он не сделает глупостей. Что полиция не придет снова. Что Виктор не реализует свою угрозу слишком быстро.

Окно Марка на пятом этаже светилось желтым прямоугольником. Она видела его силуэт, перемещающийся по комнате. Он двигался нервно, резко. То подходил к окну, то отходил. Он не спал. Как и она.

Внезапно его силуэт замер у окна, а затем свет погас. Не постепенно, а резко, как будто кто-то щелкнул выключателем. Затем в окне мелькнул свет фонарика – неровный, дрожащий луч, выхватывающий из темноты потолок. Элира насторожилась. Она не слышала звуков выключения электричества во всем доме. Только в его квартире.

Ее тело напряглось прежде, чем разум успел сформулировать мысль. Она шагнула вперед с крыши, падая в темноту, и приземлилась на балкон четвертого этажа с глухим, но тихим стуком, погасив инерцию сгибом коленей. Затем – еще один прыжок, на карниз рядом с его окном.

Она заглянула внутрь.

Марк стоял посреди гостиной, спиной к ней, направляя луч фонарика на входную дверь. В его другой руке, опущенной вдоль тела, блестел кухонный нож. Элира почувствовала запах – не только его страха, едкого и острого, но и другого. Звериного. Мускусного, с примесью влажной земли и гнили. Запах оборотня. Но не того, что в ярости трансформации. Это был запах следопыта, хищника на охоте, умеющего сдерживаться.

Кто-то был в квартире. Не за дверью – внутри.

Она не стала стучать. Ее пальцы сжали металлическую раму окна, и с тихим скрежетом замок сломался. Она откинула створку и вплыла внутрь, бесшумно, как дым.

Марк вздрогнул и резко обернулся, ослепляя ее лучом фонарика. «Стой!»

«Тише, – ее голос был ледяным шепотом. – Он здесь. Где?»

«Кто?..» – начал Марк, но она резко махнула рукой, заставляя его замолчать.

Ее ноздри расширились. Она отфильтровывала запахи: пыль, остатки пищи, его пот, ее собственный холодный след... и вот он. Свежий, острый. Исходил из коридора, ведущего в спальню. Оборотень. Но не в звериной форме. В человеческой. Шаман? Лазутчик? Неважно. Его присутствие здесь было объявлением войны и нарушением всех территориальных договоров. Или чьим-то заказным убийством.

«В спальне, – прошептала она. – Оставайся здесь. Не двигайся.»

«Но...»

Она уже исчезла из круга света, растворившись в темноте коридора. Ее зрение, приспособленное к ночи, видело все в оттенках серого и тепловых пятнах. В спальне было холодно – открыто окно. И у кровати стояла фигура. Высокая, широкоплечая. Человек в капюшоне и потрепанной куртке. Он медленно поворачивался, услышав ее, но не увидев.

«Я знал, что ты придешь, кровосос, – прорычал мужской голос, низкий и хриплый. – Заботишься о своей игрушке?»

«Ты пересек границу, – ответила Элира, останавливаясь в трех метрах от него. Она видела его тепловой контур, напряженные мышцы. Он был на грани трансформации, сдерживая ее силой воли. Опытный. – Это нарушение перемирия.»

«Перемирие? – оборотень фыркнул. – Вы убили нашего брата. На нашей земле. И этот человечиска видел все. Он – улика. Он должен исчезнуть. Рагнар приказал.»

Рагнар Клык. Лидер стаи. Значит, это не просто месть – это политический акт. Или ловушка.

«Ты не уйдешь отсюда с ним, – сказала Элира, занимая позицию между оборотнем и дверью. Ее рана ныла, напоминая о слабости. Она не могла позволить себе затяжную схватку. Нужно было быстро и тихо. Но убийство оборотня в человеческом жилище, даже в форме человека, оставит следы, которые не скрыть от таких, как Хейл.

«Я и не собирался, – прошипел оборотень, и его кости затрещали. Капюшон спал, обнажая лицо, покрытое щетиной, с широкими скулами и желтым отсветом в глазах. – Я уйду с твоей головой. Или с его. Рагнар будет доволен в любом случае.»

Он рванулся вперед. Не к ней, а сквозь нее – к двери, к Марку. Его скорость была неестественной для человека, но пока что не сверхъестественной. Элира двинулась навстречу.

Их столкновение было стремительным и глухим. Она поймала его запястье, когда его когти уже начали прорываться сквозь кожу на пальцах. Сила удара отшвырнула ее назад, она врезалась в дверной косяк, но не отпустила хватку. Рывком на себя она заставила его потерять равновесие и ударила коленом в грудь. Раздался хруст. Оборотень рывкнул от боли, но не отступил. Его свободная рука замахнулась, и когти, теперь уже полностью сформированные, прожгли ткань ее плаща и вонзились в уже существующую рану на боку.

Боль была ослепительной, белой и жгучей. Элира вскрикнула – тихо, но это был крик. Ее собственная кровь, темная и холодная, хлынула на пол. Голод внутри взревел, превратившись из тлеющего угля в лесной пожар. В ее глазах вспыхнуло алое пламя, клыки удлинились до подбородка. Инстинкт убийцы, сдерживаемый веками дисциплины, рванулся наружу.

Она впиалась клыками ему в шею, но не для того, чтобы пить. Это было нападение. Ее челюсти со всей силой сомкнулись на мышцах и сухожилиях. Оборотень взревел, пытаясь оторвать ее, но она держалась, как пиявка, впрыскивая в рану не яд, а концентрированную холодную сущность своего вируса – чужеродный, парализующий агент для его биологии.

Тело оборотня затрепетало. Превращение, начавшееся, остановилось и обратилось вспять. Его когти втянулись, кости с хрустом вернулись в человеческое состояние. Он рухнул на колени, давясь кровью, которая была уже не только его. Элира оторвалась от его шеи, ее рот и подбородок были залиты темной жидкостью. Она отплюнулась с отвращением – вкус был омерзительным, ядовитым.

Он был еще жив, но неопасен. Паралич продлится несколько часов.

В дверном проеме, освещенный косым лучом своего фонарика, стоял Марк. Его лицо было восковой маской ужаса. Он смотрел на Элиру, на ее окровавленное лицо и горящие глаза, на распростертое тело на полу, из шеи которого сочилась густая жидкость.

«Ты... ты его...» – он не мог договорить.

«Он жив, – хрипло сказала Элира, вытирая рот тыльной стороной ладони. Ее рана жгла огнем. Она чувствовала головокружение. Потеря крови, собственная и чужая, выпитая поневоле, отравляла ее. – Но ты – нет, если останешься здесь.»

Она сделала шаг к нему, и он инстинктивно отпрянул. Этот жест пронзил ее острее любого когтя. В его глазах был ужас перед ней. Перед монстром. И это было правильно. Это было безопасно. Но это жгло.

«Слушай меня внимательно, – заговорила она, заставляя голос звучать твердо, сквозь боль и слабость. – Это был разведчик. За ним придут другие. И они будут не одни. Полиция, Хейл, он уже вел расследование. Теперь, с этим... – она кивнула на лежащего оборотня, – он будет здесь как минимум с обыском. Твоя жизнь здесь окончена.»

«Куда мне деваться?» – голос Марка был сломанным, детским.

«Я знаю место. Не связанное с ковром. Не отслеживаемое ими. На время.» Это была ложь. Место было связано с ней, с ее старыми, забытыми всеми убежищами. Если о нем узнают старшие, это будет расценено как мятеж.

«А он?» – Марк показал фонариком на тело.

«Он придет в себя и уйдет. Или его заберут свои. Убирать следы – не моя задача сейчас.» Она подошла к окну в спальне – оно было распахнуто. «Собирайся. Только самое необходимое. Документы, деньги, одежда на пару дней. У тебя есть пять минут.»

Марк не двигался, смотря на нее, потом на нож в своей руке, который казался теперь смешной игрушкой.

«ПЯТЬ МИНУТ, МАРК!» – ее голос сорвался на низкий, животный рык, эхо которого заставило задрожать стекла.

Он вздрогнул и бросился в гостиную, к шкафам.

Элира, оставшись одна, прислонилась к стене, сжимая бок. Кровь просачивалась сквозь пальцы. Ей нужно было питание. Настоящее. Чистое. Иначе она не дотянет даже до убежища, не говоря уже о том, чтобы защищать его. Но источник был только один. И он был под абсолютным запретом. Не только ковенном, но и ее собственным, еще не до конца мертвым, моральным компасом.

Марк вернулся с рюкзаком, набитым кое-как. «Я готов.»

Она кивнула, оттолкнувшись от стены. «Мы идем по крышам. Меньше глаз. Держись близко.»

Она вылезла в окно и протянула ему руку. Он колебался секунду, глядя на бездну под ногами, затем взял ее руку. Его пальцы были теплыми, живыми, пульсирующими. Ее холодная кожа, казалось, обожглась от этого прикосновения. Она резко подняла его, почти швырнула на карниз рядом с собой. «Не смотри вниз. Следуй за моими шагами точно.»

Путь по крышам был кошмаром для человека. Скользящая черепица, прыжки над черными провалами улиц, лестницы пожарных выходов, ржавые и шаткие. Элира двигалась с грацией тени, каждый раз подстраховывая его, хватая за руку или за шиворот, когда он поскользнулся. Он дышал тяжело, порывисто, но не кричал, не жаловался. Она чувствовала, как его сердце колотится, как перекачивается волна страха, но также и решимости. Он цеплялся за жизнь. Это было... достойно уважения.

Убежище оказалось старым, заброшенным зданием бывшего архива на границе промзоны и старого города. Элира проникла внутрь через разбитое окно в подвале и провела его по темным, пропахшим плесенью и пылью коридорам на верхний этаж, в небольшую комнату, когда-то бывшую кабинетом. Здесь было относительно сухо. Стоял старый походный стол, пара скрипучих стульев, сложенный спальный мешок на полке. На окнах – металлические ставни. Одиноким солнечный луч не проник бы сюда никогда.

«Здесь, – сказала Элира, запирая за ними тяжелую дверь. – Не выходить. Не подходить к окнам. Вода в канистрах там, в углу. Еда... я принесу позже.»

Марк опустил рюкзак на пол. «Надолго?»

«Пока я не разберусь с угрозой.» Она отвернулась, подошла к стене, стараясь скрыть дрожь, которая начала пробиваться сквозь ее контроль. Боль была уже не просто болью, а пустотой, разъедающей изнутри. Вирус требовал восполнения. Без него она начнет деградировать, рана откроется снова.

«Ты ранена, – тихо сказал Марк. Он видел, как она держится за бок, как темное пятно на ее плаще расплзается. – Сильно.»

«Это пройдет.»

«Нужна... кровь?» – он произнес это слово с трудом, но без паники. Как констатацию факта. Он ведь был медицинским аналитиком. Он понимал биологию, даже такую.

Она резко обернулась, ее глаза в темноте горели двумя алыми точками. «Забудь об этом. Это не твоя забота.»

«Но ты не можешь... функционировать, если не восстановишься. Ты сказала, что нужно защищать меня. Как ты сможешь, если ты ослаблена?»

Он подошел на шаг ближе. Его запах – теплый, соленый от пота, живой – ударил в ее сознание. Голод взревел в ответ, сжимая горло спазмом. Она отшатнулась, как от огня. «Держись подальше!»

Марк остановился, но не отступил. «Я видел, как ты сражалась. Ради меня. Дважды. Тот оборотень... он пришел за мной. Ты могла просто позволить ему сделать это. Устранить «угрозу Маскарада», как говорит твой Виктор. Но ты не сделала.»

«Я делаю свою работу, – прошипела она. – Кураторство.»

«Это ложь, – он сказал это просто, без вызова. – И ты знаешь это. Ты рискуешь собой. Нарушаешь приказы. Прячешь меня здесь, в месте, о котором, я уверен, твой ковен не знает. Почему?»

Молчание повисло в комнате, густое, как смог. Элира смотрела на него, на его человеческое лицо, испуганное, но не сломленное. В нем была та самая упрямая жизненная сила, которая когда-то, столетия назад, была и у нее. И которую она защитила тогда, в дождь. Не по приказу. Потому что не могла иначе.

«Потому что ты не заслуживаешь смерти за то, что оказался не в том месте, – наконец сказала она, и ее голос потерял сталь, став просто усталым. – Потому что этот мир, наш мир... он построен на трупах невинных. И однажды нужно сказать «хватит». Даже если это всего лишь один человек.»

Он медленно кивнул, как будто этого было достаточно. Потом, не сводя с нее глаз, он закатал рукав своей рубашки, обнажив запястье. Вены под кожей пульсировали синим, притягательным рисунком.

«Нет, – сказала она сразу, но это прозвучало слабо.

«Это логично, – сказал он. Его голос дрожал, но он продолжал. – Ты – мой единственный щит. Если ты упадешь, я мертв. Это как... как переливание крови. Экстренная медицинская помощь.»

«Ты не понимаешь, что предлагаешь! – ее голос сорвался. – Это не просто «переливание». Это... связь. Искушение. Запрет.»

«Я доверяю тебе, – просто сказал Марк. – Ты могла убить меня столько раз. И не сделала.»

Доверие. Это слово было опаснее любого серебряного клинка. Оно растопило последние укрепления вокруг того, что она когда-то называла душой. Она подошла, медленно, как к дикому зверю. Ее дыхание стало прерывистым. Голод кричал, но теперь к нему примешивалось что-то иное – не жажда, а жгучий, запретный интерес. Желание не просто питаться, а прикоснуться к этому теплу, к этой жизни.

Она остановилась в сантиметре от него. Ее холодная аура смешалась с его теплом. Она видела, как бьется пульс на его шее. Музыка жизни.

«Это может изменить тебя, – прошептала она. – Оставит след. Откроет дверь.»

«Двери уже открыты, Элира, – он тоже говорил шепотом. – С того момента, как ты сказала мне свое имя.»

Она больше не сопротивлялась. Ее рука, холодная и легкая, обхватила его запястье. Прикосновение было электрическим. Она наклонила голову. Ее губы коснулись кожи у вены. Он вздрогнул, но не отдернул руку. Затем – легкий укол, точный и почти безболезненный.

И хлынуло тепло.

Не просто кровь. Это был поток жизни, эмоций, воспоминаний. Вспышки детства Марка, горечь потери родителей, тихая радость от удачного анализа, одиночество вечеров в пустой квартире... и яркий, жгучий страх, смешанный с благодарностью, направленный на нее. Элира втягивала это, и пустота внутри наполнялась не просто силой, а чем-то неизмеримо большим. Ее рана сомкнулась, боль утихла, но в груди разгорелась другая – острая, щемящая, человеческая. Связь установилась. Тонкая, но неразрывная нить между хищником и жертвой, которая теперь была чем-то большим.

Она оторвалась прежде, чем взяла слишком много. Ранка на его запястье была крошечной, уже запекшейся. Его лицо было бледным, но глаза ясными. Он смотрел на нее не с ужасом, а с пониманием.

«Спасибо, – прошептала она, отступая, чувствуя, как по ее жилам разливается новая, чуждая энергия – энергия человеческой жизни и доверия. – Этого... этого больше не будет. Обещай мне.»

«Я обещаю, – сказал он. – Но и ты обещай мне. Не отдавай меня им. Ковену, Совету, Виктору. Спаси меня.»

Она смотрела на него, на этого хрупкого, смешного, невероятно храброго человека, который доверил ей свою жизнь дважды. И она поняла, что решение уже принято. Оно было принято в ту самую секунду в промзоне. Теперь она только осознала его.

«Я спрячу тебя, Марк, – сказала Элира, и в ее голосе прозвучала сталь не приказа, а клятвы. – Даже если для этого мне придется скрывать тебя ото всех. Даже от моих собственных. Это мое решение. И моя война теперь.»

Она повернулась и вышла из комнаты, чтобы установить сигналы тревоги по периметру здания. Она должна была действовать. Хейл, оборотни, Виктор, ковен – все они теперь были угрозами. И она, Элира Нокс, оперативник ковена, собиралась вступить в схватку со всем своим миром. Ради одного человека. Ради того света, который она ощутила в его крови и который, она теперь знала, был для нее важнее всех законов Тьмы.

ГЛАВА 2 – Маскарад

Зал Трепещущего Пламени был самым старым помещением в особняке ковена. Его стены, сложенные из темного базальта, впитывали свет, а не отражали его. По периметру горели не лампы, а высокие, тонкие свечи из особого воска с примесью крови, дававшие тревожное, колеблющееся пламя. Воздух был густым от запаха ладана, воска и вечного подвального холода. Здесь решались судьбы, выносились приговоры и планировались войны, которые мир людей никогда не заметит.

Элира стояла в центре зала на холодном каменном полу. Она была в своей стандартной оперативной форме – черный тактический костюм, плащ, но все было безупречно чисто, без единого намека на вчерашнюю борьбу и кровь. Рана на боку была затянута полностью, сила вернулась, подпитанная запретным источником. Но внутри все было сжато в тугий, трепещущий узел. Она знала, зачем ее вызвали. Вызвали не на обычный брифинг.

На возвышении, за длинным столом из черного дерева, сидели трое. Селена Восс, как всегда, в центре. Сегодня на ней было платье глубокого винного оттенка, которое делало ее бледность еще более драматичной. Справа – Кассиус, его пальцы сложены в спокойной замок, а взгляд изучающе блуждал по лицу Элиры. Слева – Виктор Рейвенкрофт. Он выглядел расслабленным, даже скучающим, перебирая серебряный стилет, который, казалось, случайно оказался у него в руках.

Четвертое кресло, в дальнем конце стола, было пустым. Место для приглашенного свидетеля или обвинителя.

«Оперативник Нокс, – начала Селена, ее голос был ровным, как лезвие. – Благодарю, что явилась без промедления. Нам требуется прояснить ряд... тревожных событий.»

«Я к вашим услугам, старшая, – ответила Элира, глядя прямо перед собой, в пространство над их головами. Протокол. Почтительность. Маска.»

«Начнем с малого, – сказал Кассиус. «Вчера вечером, примерно в двадцать три ноль-ноль, ты была назначена на патруль в секторе семь, у границ промзоны. Это верно?»

«Верно. Патруль был плановым, целью было наблюдение за активностью оборотней в свете недавнего инцидента.»

«И ты его выполнила?» – спросила Селена.

«Частично. Примерно в двадцать три сорок пять я получила сигнал тревоги с одного из удаленных датчиков, установленных около жилого массива на Блюхерштрассе. Сигнал указывал на всплеск биологической активности, характерной для начинающейся трансформации.»

Виктор перестал вертеть стилет. «Любопытно. Оборотни редко проявляют активность так близко к плотной человеческой застройке. Если не чувствуют... приманку.»

Элира проигнорировала его. «Я отклонилась от маршрута для проверки. Объектом оказалась жилая девятиэтажка. На подступах я зафиксировала присутствие оборотня в латентной, человеческой форме. Он проник внутрь через систему вентиляции.»

«И что же ты сделала?» – голос Селены не выражал никаких эмоций.

«Я последовала за ним, чтобы оценить угрозу и предотвратить возможное нарушение Маскарада. Оборотень направился в конкретную квартиру на пятом этаже.»

«Квартиру, – медленно проговорил Кассиус, – которая принадлежит некоему Марку Вейнеру. Твоему подопечному по кураторству.»

В зале повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием свечей. Элира чувствовала, как холодный пот выступил у нее под маской бесстрастия. «Да. Это совпадение показалось мне подозрительным.»

«Совпадение, – протянул Виктор, откидываясь на спинку кресла. – Какое удивительное совпадение. Оборотень, которого мы не видели в этих кварталах годами, вдруг решает посетить именно того единственного человека в городе, который видел слишком много. И именно в тот момент, когда его куратор находится на патруле неподалеку.»

«Ты предполагаешь, что я как-то привлекла его внимание?» – в голосе Элиры прозвучал вызов, но она тут же взяла себя в руки. «Прошу прощения, старший. Я лишь констатирую факты.»

«Продолжай свой отчет, оперативник, – сказала Селена, бросив на Виктора предупреждающий взгляд. – Что произошло в квартире?»

«Я вступила в противостояние с оборотнем. Он был опытен, находился в пограничном состоянии, мог трансформироваться частично. Целью его, как я поняла из его слов, было устранение свидетеля – Вейнера. Он ссылался на приказ Рагнара Клыка.»

На лице Кассиуса появилась легкая гримаса. «Рагнар. Значит, стая знает. И они действуют. Это плохо. Очень плохо.»

«Исход противостояния?» – спросила Селена.

«Оборотень нейтрализован. Я применила вирусный паралич. Он был жив на момент моего ухода, но не представлял угрозы на ближайшие часы.»

«А где во время этого... противостояния... находился твой подопечный?» – Виктор снова вернулся к игре, его глаза сверкали в свете свечей.

«Он находился в квартире. В состоянии шока. Я дала ему указание собрать вещи.»

«Вещи?» – подняла бровь Селена.

«Старшая, – Элира сделала шаг вперед, ее голос приобрел оттенок срочности, который нельзя было подделать. – Квартира была скомпрометирована. Там остались следы борьбы, биологические следы оборотня и, возможно, мои. Полиция уже проявляла к Вейнеру интерес. Инспектор Хейл. Обнаружив такую сцену, он начнет полномасштабное расследование. Маскарад оказался бы под прямой угрозой. Я действовала согласно протоколу экстренной эвакуации свидетеля под угрозой.»

«Протокол, – проговорил Кассиус, потирая переносицу, – предполагает эвакуацию на одну из наших безопасных квартир под наблюдение ковена. Где сейчас находится Марк Вейнер?»

Здесь был ключевой момент. Ложь должна была быть идеальной.

«После нейтрализации угрозы я вывела его из здания. Однако по пути к назначенной точке сбора я обнаружила признаки слежки. Не оборотней. Не людей. Это было... что-то еще. Я не могла рисковать, ведя его на явную, возможно, скомпрометированную позицию ковена. Я приняла решение изменить маршрут и поместить его во временное, незарегистрированное укрытие до выяснения обстоятельств.»

Гробовая тишина. Даже Виктор перестал улыбаться. Селена медленно поднялась с места.

«Незарегистрированное укрытие, – повторила она, и каждый слог звенел, как падающая сосулька. – Ты, оперативник ковена, под присягой, взяла человека, являющегося прямым свидетелем и точкой напряжения в межфракционном конфликте, и спрятала его в месте, о котором ковен не знает. Перечисли, сколько правил и протоколов ты нарушила этим одним решением.»

«Я действовала в интересах сохранения Маскарада!» – парировала Элира, но в ее голосе уже звучала трещина.

«Ты действовала по своему усмотрению, скрыв ключевой актив от своего командования! – в голосе Селены впервые прозвучал гнев, холодный и сдерживаемый. – Где он, Элира? Где ты его спрятала?»

«Это временная мера. Как только я убежусь, что слежка была ложной тревогой, или найду способ безопасно его переместить...»

«Ты отдашь его координаты сейчас, – перебил Кассиус. Его спокойствие было страшнее крика. – И мы отправим за ним группу. Его нужно поместить в настоящий архив, под полный контроль. Или, учитывая интерес Рагнара и полиции, рассмотреть вопрос о его окончательной нейтрализации как источника риска.»

Слово «нейтрализация» прозвучало в зале с леденящей душу окончательностью. Элира почувствовала, как по ее спине пробежала судорога. Инстинкт кричал защищаться, бежать, предупредить Марка. Но она стояла на месте.

«Я не могу этого сделать, – тихо, но четко сказала она. – Пока не уверена в безопасности наших внутренних протоколов. Наблюдение за мной, если оно было, указывает на возможную утечку.»

Это была отчаянная ставка. Обвинить в возможном предательстве кого-то внутри. Она увидела, как глаза Кассиуса и Селены сузились.

«Ты делаешь серьезные заявления, – прошипела Селена. – И бездоказательные. Твой поступок больше похож на мятеж, чем на избыточное рвение.»

В этот момент дверь в конце зала тихо открылась, и вошла еще одна фигура. Это был вампир низшего ранга, курьер. Он быстро подошел к Виктору и протянул ему сложенный листок бумаги. Виктор развернул его, пробежал глазами, и на его губах снова расцвела та самая, опасная улыбка.

«О, какая своевременная информация, – сказал он, поднимаясь. – Простите, старшие, что прерываю. Но это касается текущего разбирательства. От наших источников в полиции. Инспектор Томас Хейл сегодня утром получил ордер на обыск квартиры по адресу Блюхерштрассе, 42, квартира 514. При обыске обнаружены следы борьбы: повреждения мебели, следы когтей на дверном косяке, пятна биологических жидкостей... двух типов. Одна группа – человеческая, принадлежащая Марку Вейнеру. Вторая... – он сделал театральную паузу, – вторая показывает дегенеративные клеточные аномалии, характерные для ликантропии в латентной фазе. Также найдены следы третьей субстанции, холодной, с измененной клеточной структурой. Анализ еще не завершен, но предположения, конечно, есть.»

Он посмотрел прямо на Элиру. «Хейл объявил Марка Вейнера в розыск. Не только как пропавшего без вести, но и как подозреваемого в причастности к странному, жестокому убийству. В полицейской базе теперь есть фотографии следов когтей оборотня и, возможно, следы нашего присутствия. Маскарад, дорогая Элира, дал трещину. И трещина эта ведет прямо к твоему подопечному. И к тебе.»

Зал погрузился в ледяную тишину. Селена опустила в кресло, ее лицо стало каменным. Кассиус закрыл глаза, словно молясь.

«Ты понимаешь, что ты наделала? – прошептала Селена. – Ты не просто спрятала свидетеля. Ты превратила его в самого разыскиваемого человека в двух мирах. Люди ищут его за убийство. Оборотни – за месть. И его кровь теперь на твоих руках, потому что ты была слишком... слаба, чтобы выполнить приказ и устранить его сразу.»

Элира молчала. Любые слова теперь были бесполезны. Факты говорили против нее.

«Кураторство отменяется, – холодно объявил Кассиус. – Задача «Марк Вейнер» переходит в категорию «ликвидация с очисткой следов». Твоя миссия, оперативник Нокс, – предоставить все данные о его текущем местонахождении, после чего ты отстраняешься от дела. Для расследования твоих действий будет создана комиссия.»

«Нет, – сказала Элира. Тихо, но так, что все услышали. – Я не отдам его координат. И я не отстранюсь.»

Селена Восс уставилась на нее с немим потрясением. Даже Виктор выглядел искренне заинтересованным.

«Повтори», – сказала Селена.

«Я сказала, нет. Я взяла на себя ответственность за его жизнь. Я исправлю ситуацию. Я найду способ стереть следы, убрать интерес полиции, урегулировать вопрос с оборотнями. Но я не позволю его убить.»

«Ты осмелилась... – начала Селена, но ее перебил Виктор.

«Восхитительно! – воскликнул он, аплодируя пару раз в ладоши. – Настоящий бунт. Из-за одного-единственного смертного. Селена, Кассиус, вы видите? Это не просто нарушение. Это эмоциональная привязанность. Заражение. Она выпила его кровь. Я чувствую остаточные следы в ее ауре. Свежие. Сильные.»

Теперь старшие смотрели на Элиру не с гневом, а с откровенным ужасом и брезгливостью, как на прокаженную. Нарушение Маскарада было проблемой. Нарушение иерархии – дисциплинарным проступком. Но кровная связь с человеком, да еще и подопечным, была скверной. Грехом против самой природы ковена.

«Заклечь ее, – беззвучно прошептала Селена, указывая на Элиру пальцем, который слегка дрожал. – В изолятор. Сейчас же.»

Из теней у стен отделились две фигуры – стражи в полной боевой экипировке, их лица скрыты шлемами. Они двинулись к Элире.

Она знала, что это конец. Если ее заточат, Марк обречен. Его найдут по ее следам или без них. У нее был один шанс.

Когда стражи были в двух шагах, Элира двинулась. Не назад, а вперед. Ее рука метнулась к поясу Виктора – не к стилету, а к небольшому планшету, торчавшему из кармана. Он инстинктивно отпрянул, но она была быстрее. Планшет оказался в ее руке. Она швырнула его со всей силы в массивную свечу прямо перед Селеной.

Стекло и пластик разбились, горячий воск и пламя брызнули на стол и на одежду Селены. Та вскрикнула, отшатываясь. На секунду воцарился хаос. Кассиус вскочил, зовя стражу. Виктор, с лицом, искаженным холодной яростью, потянулся к стилету.

Этой секунды хватило. Элира, уже не скрывая своей скорости, рванулась не к двери, через которую вошли стражи, а к стене за собой. В каменной кладке была почти невидимая щель – аварийный ход, известный лишь немногим оперативникам. Она ударила по скрытому механизму локтем, и часть стены с глухим скрежетом отъехала, открывая черную пасть узкого коридора.

«ОСТАНОВИТЕ ЕЕ!» – проревел Кассиус.

Стражи открыли огонь. Но не пулями – сжатыми дротиками с серебряными наконечниками, наполненными парализующей сывороткой. Один просвистел у самого уха Элиры, вонзившись в камень. Она нырнула в проход и ударила по механизму изнутри. Дверь начала закрываться. В последний момент перед тем, как щель исчезла, она увидела лицо Виктора. Он не пытался остановить ее. Он просто смотрел. И улыбался. Как будто все шло точно по плану.

Тяжелый камень встал на место, поглотив свет и звуки зала. Полная темнота и тишина, нарушаемая только ее собственным, тяжелым дыханием. Она была в ловушке, но пока свободна. На несколько часов, пока не переключат все выходы из системы старых туннелей.

Она прислонилась к холодной стене, сердце (давно не бившееся) сжалось от боли и ужаса. Она объявлена мятежницей. Ковен будет охотиться за ней. Оборотни ищут Марка. Полиция ищет Марка. И Виктор... Виктор играл в какую-то свою игру, подталкивая ее к этому краю.

Она достала простой, «человеческий» телефон. Тот, что с одним номером. Батарея была на исходе. Она набрала номер Марка, который был теперь для нее маяком в этом хаосе.

Он ответил почти сразу, голос полный тревоги. «Элира?»

«Слушай, – ее голос звучал резко, отрывисто. – Все плохо. Они знают. Ковен объявил на нас охоту. Оставаться там больше нельзя. Уходи. По тому пути, который я тебе показала, вниз, к старой угольной шахте. Жди меня у знака с номером семь. Если я не приду к рассвету... беги. Дальше. За город. И забудь обо мне.»

«Элира, что случилось? Где ты?»

«Некогда. Просто сделай, как я сказала. И, Марк... прости меня. За все.»

Она отключилась, не дав ему ответить. Затем раздавила телефон в руке, превратив его в кучку пластика и микросхем. Следующий шаг – добраться до него, пока сеть не сомкнулась. И затем... затем нужно было думать о невозможном. О том, как вдвоем, человеку и вампиру-изгою, выжить в городе, где каждый камень, каждая тень будут против них.

Она двинулась вперед по темному туннелю, на ощупь. У нее не было плана. Была только ярость. Было только решение. И был он. Ее единственная ошибка и единственное спасение. Война начиналась. Их война.

Старая угольная шахта «Зеленая» была не зеленой и не рабочей уже лет пятьдесят. Ее устье, скрытое за ржавой проволокой и зарослями лопухов, зияло черным провалом в склоне холма на самой окраине города, где уличные фонари уже сдавались, уступая место полной, непроглядной тьме. Внутри пахло сырой глиной, плесенью и чем-то еще – холодным металлом и страхом.

Марк Вейнер сидел на сложенном спальном мешке у самого края зоны слабого света, который отбрасывал его собственный фонарик, поставленный на камень. На коленях у него лежала открытая записная книжка, куда он механически, дрожащей от холода рукой, вносил заметки. Не лабораторные отчеты, а нечто иное.

Субъект А (Э.Н.):

– Регенерация ускорена при внешнем питании (кровь). Яд оборотня (?) замедляет процесс, требует больше ресурсов.

– Физические параметры: сила, скорость, акробатика – на порядок выше человеческих. Не наблюдалось утомления при переносе взрослого человека (меня) на расстояние ~3 км по сложной местности (крыши).

– Сенсорика: обоняние (обнаружила оборотня в квартире), зрение в темноте (полная темнота туннеля), слух (?).

– Психологическое состояние: высокий уровень дисциплины, подавленные эмоциональные реакции. Прорыв эмоций – гнев, страх (за меня?). Нарушение иерархических связей (бунт). Причины: ?

Он остановился, глядя на последнее слово. Причины. Он знал причину. Она сидела у него в груди, теплым и тревожным комком. Ради меня. Он был причиной ее падения. Ее изгнания. Ее возможной смерти.

Снаружи завыл ветер, просачиваясь сквозь щели в покосившейся двери машинного отделения, где он устроился. Марк вздрогнул и потянулся к ржавой монтировке, лежащей рядом. Смехотворное оружие. Но оно давало иллюзию контроля.

Прошло шесть часов с того момента, как он, дрожа от каждого шороха, выполз из убежища в архиве и, следуя смутным указаниям Элиры, добрался сюда. К знаку с выцветшей цифрой «7». Она не пришла. Рассвет давно миновал, сменился хмурым днем, а теперь снова сползала ночь. Он боялся выйти. Боялся остаться. Боялся, что она не придет никогда.

Его мысли прервало едва уловимое движение в темноте, за кругом света. Не звук. Скорее, сдвиг воздуха. Исчезновение тени, которой там не должно было быть.

«Элира?» – позвал он шепотом, хриплым от напряжения.

Из мрака, прямо за лучом фонарика, вышла она. Не появилась, а просто оказалась, как будто всегда там стояла. Марк вскрикнул и отпрянул, задев спиной холодную металлическую стенку. Его сердце бешено заколотилось.

Она выглядела... иначе. Не раненой, нет. Силы в ней чувствовалось даже больше, чем раньше. Но ее обычная оперативная форма была заменена на темные, невзрачные, похожие на человеческие, штаны и толстовку с капюшоном. Капюшон был надет, скрывая часть лица. Но в его тени горели два слабых алых уголька, которые погасли, когда она шагнула в свет.

«Ты жив, – сказала она, и в ее голосе не было облегчения, только констатация факта, от которой стало еще холоднее. – Хорошо.»

«Где ты была? Что случилось?» – он поднялся, забыв про монтировку.

«Ковен объявил меня мятежницей, – она говорила отрывисто, как отдавая рапорт. – Тебя – целью для ликвидации. Полиция разыскивает тебя по подозрению в убийстве. Обратники знают твое лицо. Ты – самый разыскиваемый человек в городе, сам того не зная.»

Слова падали, как удары молота. Марк снова опустился на мешок, ощутив, как почва уходит из-под ног в прямом и переносном смысле.

«Ликвидации?» – повторил он глухо.

«Это стандартный протокол для угрозы Маскараду такой степени. Твоя квартира – вещественное доказательство. Ты – живое. Исчезновение живого свидетеля решает две проблемы ковена сразу: убирает риск разоблачения и является жестом «доброй воли» перед оборотнями. Мол, мы сами разберемся со своим мусором.»

«Я... мусор», – прошептал он.

Элира замолчала, наблюдая за его реакцией. Она видела, как паника борется в нем с аналитическим умом. Видела, как он пытается осмыслить, систематизировать кошмар. Это... успокаивало ее. Он не ломался. Он пытался понять.

«Что мы будем делать?» – спросил он наконец, поднимая на нее взгляд. В его глазах читалась не детская надежда, а вопрос партнера по осаде.

««Мы»? – она произнесла это слово с легким, горьким ударением. – Тебе нужно бежать. Один. Дальше от города. Из страны, если получится. Новые документы, новая жизнь.»

«А ты?»

«Я отвлеку их. Дам тебе фору.»

«Нет.» – он сказал это тверже, чем ожидал сам.

«Марк, ты не понимаешь...»

«Я понимаю! – он вскочил, его голос эхом отозвался в пустом зале. – Я понимаю, что они убьют тебя. Или поймают, и будет еще хуже. Я понимаю, что ты оказалась в этой ситуации из-за меня. Я не позволю тебе идти на смерть в одиночку, пока я смываюсь куда-то в надежде, что пронесет. Это не... это не по-человечески.»

Она смотрела на него, и в ее неподвижном лице что-то дрогнуло. «Я не человек, Марк. И мои шансы выжить в конфронтации с ковенем выше, чем твои. У тебя их нет. Ноль.»

«Тогда давай создадим эти шансы! – он сделал шаг к ней, его теплое дыхание столкнулось с ее холодной аурой. – Ты знаешь их тактику. Знаешь их слабые места. Я... я знаю медицину, биологию. Я видел, как действует твой вирус, видел оборотня. Я могу анализировать. Мы можем искать их узвимости. Искать... союзников.»

Он сказал последнее слово, и сам испугался его. Союзники в этом мире теней? Кто? Другие мятежные вампиры? Оборотни-перебежчики? Это звучало как безумие.

Элира отвернулась, ее взгляд скользнул по темному проему, ведущему в шахту. «Союзники... Есть только одна сила, которая могла бы на время прикрыть нас от обеих фракций. Но обращаться к ней – все равно что играть с пламенем, стоя в бочке с порохом.»

«Совет Теней, – угадал Марк, вспоминая ее ранние, скупые объяснения о мире. – Надзиратели баланса.»

«Да. И они карают за его нарушение быстрее и беспощаднее, чем любой ковен или стая. Но если мы придем к ним сами... если я признаю свои нарушения, а ты согласишься на пожизненное заточение в одном из их хранилищ... твоя жизнь, возможно, будет сохранена. Моя – нет. Но ты выживешь.»

«Пожизненное заточение?» – он снова почувствовал ледяную хватку страха.

«Или стирание памяти. Если они смогут это сделать, не убив тебя. Это лучший из плохих исходов, Марк.»

Он молчал, пытаясь представить жизнь в неволе, пусть и безопасной, или жизнь без воспоминаний о ней, о том, как она сражалась за него. Это казалось худшим предательством.

«Нет, – снова сказал он. – Мы ищем другой путь.»

«Его нет!» – в ее голосе впервые прорвалось отчаяние, похожее на рычание. Она обернулась, и ее глаза снова вспыхнули алым. «Ты думаешь, это игра? Романтическое приключение? Это грязь, кровь и смерть! Я провела века, служа системе, которая сейчас хочет меня стереть! И все из-за...» Она не договорила, резко сомкнув челюсти.

«Из-за меня, – закончил он за нее. – И я сожалею. Каждую секунду. Но я также благодарен. И я не оставлю тебя. Ты – единственная реальность в этом кошмаре. Если мы проиграем, то проиграем вместе.»

Они стояли друг напротив друга в холодном, пропахшем плесенью мраке: человек, дрожащий от холода и страха, и вампир, изгой, в глазах которого бушевали века ярости и новая, непонятная ей самой боль. Между ними висела тишина, напряженная, как тетива.

Внезапно Элира вздрогнула. Ее голова резко повернулась к заблокированной двери. Ноздри расширились.

«Что?» – прошептал Марк.

«Кровь. Чужая. И серебро, – ее голос стал беззвучным, движения обрели звериную грацию. Она потушила фонарик одним движением. Полная тьма поглотила их. – Охотники ковена. Их уже здесь.»

Марк замер, пытаясь услышать то, что слышала она. Сначала ничего. Потом – далекий, металлический скрежет. Кто-то резал проволоку у входа.

«Сколько?» – его губы почти не шевелились.

«Трое. Может, четвертый снаружи. Профессионалы. Не стражи из зала, а настоящие охотники на нарушителей.» Она схватила его за руку. Ее прикосновение было ледяным и абсолютно уверенным. «В шахту. Глубже. Там есть ответвления. Я задержу их.»

«Элира...»

«Молчи и беги. Это не дискуссия. Это приказ последней надежды. Если я не вернусь... помни про Совет. Это твой единственный шанс.»

Она толкнула его в сторону черного провала, ведущего вниз, в подземелье. Марк, споткнувшись, сделал несколько шагов в непроглядную тьму. Обернулся. В слабом свете, проникающем теперь через дверь, он увидел ее силуэт. Она стояла, сняв капюшон, и в ее руке уже был тот самый длинный, тонкий скальпель-клинок. Она не смотрела на него. Все ее существо было сосредоточено на двери, на приближающейся угрозе.

Он хотел крикнуть, хотел остаться. Но его разум, тот самый аналитический разум, который она только что оценила, холодно констатировал: он будет лишь обузой. Помехой. Мишенью, по которой ударят, чтобы вывести ее из равновесия.

Сжав зубы до хруста, Марк повернулся и побежал вниз по покатоному, скользкому туннелю, на ощупь, в полную, всепоглощающую темноту. Сзади, уже совсем близко, раздался грохот – дверь вышибали. Потом – первый крик. Не человеческий. Не звериный. Нечто среднее. Полный боли. И тихий, стремительный свист клинка, рассекающего воздух.

Она вступила в бой. Ради него.

Марк бежал, спотыкаясь о шпалы и камни, ударяясь плечом о мокрые стены. Слезы ярости и беспомощности текли по его лицу, смешиваясь с потом. Он не мог помочь ей в бою. Но он мог сделать одно. Он мог понять. И, поняв, найти способ не быть обузой. Найти способ спасти ее.

Мысли неслись вихрем. Вирус. Ген оборотня. Биологическое оружие. Уязвимости. Серебро? Да, но что еще? Он был медицинским аналитиком. Он изучал патогены, мутации, клеточные реакции. Этот мир был построен на биологии. А раз так... у него было оружие. Знание.

Он остановился, прислонившись к стене, задыхаясь. Где-то далеко наверху, эхом по туннелям, донесся еще один приглушенный крик и звук падающего тела.

Ей нужна была не его жертва. Ей нужен был его ум. Его человечность. И он даст ей это. Он найдет слабость в системе, которая на них охотится. Ради нее. Ради них обоих.

Сжав кулаки, Марк Вейнер, бывший медицинский аналитик, а ныне – цель для ликвидации, двинулся дальше в темноту, уже не как беглец, а как человек, принявший решение. Он будет наблюдать, анализировать, искать. И когда она найдет его – а он верил, что найдет, – у него будет не просто благодарность. У него будет план.

Отдел криминальных расследований в четвертом участке напоминал улей, в котором пчелы забыли, зачем собирают мед. Гул голосов, стук клавиатур, звонки телефонов, запах старого кофе и пыли. Инспектор Томас Хейл сидел в своем стеклянном «аквариуме», отгороженный от общего хаоса, но не от тяжести, давившей на плечи. Перед ним на столе лежали три папки, разложенные веером.

Первая – дело об обнаружении тела мужчины со следами укусов дикого животного и множественными переломами в промзоне («Ржавый Пояс»). Вторая – отчет об обыске квартиры по адресу Блюхерштрассе, 42, кв. 514, принадлежащей Марку Вейнеру, пропавшему без вести медицинскому аналитику. Третья – свежая, еще пахнущая принтером, – предварительное заключение лаборатории по биоматериалам из той самой квартиры.

Хейл взял в руки листы из третьей папки. Его взгляд снова и снова возвращался к выделенным желтым маркером строкам.

«...образец А (жидкость темного цвета, обнаружена в гостиной): анализ ДНК показывает деградацию, несвойственную человеческим клеткам. Обнаружены следы вирусной РНК

неизвестного типа, демонстрирующей свойства ретровируса с экстремальной адаптацией к носителю. Клеточная структура указывает на ускоренный метаболизм и низкую температуру образца...»

«...образец Б (фрагменты эпидермиса и волос, обнаружены на дверном косяке): ДНК принадлежит человеку мужского пола (предположительно, Марк Вейнер), однако в клетках обнаружены маркеры гормональной активности, в 40 раз превышающей норму, характерной для состояния крайнего стресса или...» Далее шла пометка от лаборантки: «Том, это похоже на данные из учебника по редким генетическим заболеваниям. Но такое я видела только в теории – синдром гипертрофированной симпатической реакции. Только в тысячу раз сильнее.»

«...образец В (следы на полу, химический состав): высокое содержание серебра, нитрата серебра и органического соединения на основе белкового яда неизвестного происхождения...»

Хейл откинулся на спинку кресла, потирая переносицу. Его глаза болели от бессонницы. Он был прагматиком. Верил в факты, в отпечатки пальцев, в мотивы, в человеческую глупость и жадность. Но эта цепочка... Она не складывалась в картину. Ни одной.

Пропавший тихий аналитик. Следы звериных когтей на его дверном косяке, но не от собаки или медведя – кинолог лишь развел руками. Странные химические следы. И этот биоматериал... «Вирусная РНК неизвестного типа». Лаборантка, передавая отчет, смотрела на него так, будто он принес ей образцы с другой планеты.

Его мысли прервал резкий стук в стеклянную стену. В дверном проеме стояла сержант Лена Штраус, молодая, напористая, с планшетом в руках. Ее лицо было серьезным.

«Инспектор, у вас есть минута? По делу Вейнера.»

«Входи, Лена. Что нашли?»

«Сначала это, – она протянула ему распечатку. Это было изображение с камеры наружного наблюдения с соседнего дома, датированное ночью исчезновения Вейнера. На снимке, несмотря на дождь и плохое качество, было видно: на крыше девятиэтажки, рядом с окнами квартиры 514, две фигуры. Одна – расплывчатая, темная, почти сливающаяся с ночью. Вторая – чуть четче, вроде бы женская, с развевающимися волосами. Они стояли неестественно близко к краю. А на следующем кадре, с интервалом в две секунды, их не было. «Я увеличила. Посмотрите на тень здесь, – Штраус ткнула пальцем в пиксельное пятно. – Это похоже на... прыжок. Но расстояние между крышами минимум пять метров. И высота...»

Хейл молча изучал снимок. Сердце защемило – не от страха, а от того знакомого, охотничьего возбуждения, когда чувствуешь, что напал на крупного, странного зверя.

«И это не все, – продолжила Штраус, перелистывая страницы на планшете. – Полчаса назад поступил вызов от диспетчеров скорой. Пенсионер, живущий в частном секторе у старой шахты «Зеленая», сообщил о странных звуках – криках, «как будто дерутся звери», и выстрелах оттуда. Бригада, приехав на место, ничего не нашла, кроме свежих следов взломанной двери в машинное отделение. Но один из фельдшеров... он что-то собрал с земли у входа.»

Она положила перед ним небольшой прозрачный пакет с уликой. Внутри лежал обломок – кусочек темного, почти черного металла, заостренный с одного конца. Он был липким от чего-то темного и высохшего.

«Фельдшер сказал, что это похоже на обломок лезвия или большого скальпеля. А это... – она указала на темное вещество, – предварительный тест показал реакцию на гемоглобин, но состав... опять нестандартный. Холодный. И вот что странно: вокруг этого обломка не было ни одной мухи. Хотя кровь, даже старая, их привлекает.»

Хейл взял пакет, поднес к свету. Металл был не сталью, не железом. Что-то более тяжелое, тусклое. А пятно... Он вдруг вспомнил отчет. Образец А. «Низкая температура образца».

«Шахта «Зеленая», – пробормотал он. – Это в пяти километрах от квартиры Вейнера. Если идти по прямой через промзоны и крыши...»

«Вы думаете, он там?» – спросила Штраус.

«Не он. Они. Их несколько. И они не просто преступники, Лена. То, что мы находим... это не укладывается в криминал. Это укладывается в...» Он не договорил. Сказать вслух «паранормальное» значило поставить крест на своей карьере и, возможно, рассудке.

Планшет Штраус завибрировал. Она взглянула на экран и нахмурилась. «Еще одно. Из архива. Автоматический поиск по схожим признакам выдал одно старое, нераскрытое дело. Десять лет назад. На окраине, в заброшенном доке. Обнаружено тело. Со следами укусов и... царапин, похожих на когти. В протоколе тогда написали «нападение бродячих собак». Но лечащий врач тогда сделал пометку в личном дневнике. Цитирую: «Уровень адреналина и кортизола у жертвы зашкаливает, как будто он видел самое страшное в своей жизни. И раны... они заживали неестественно быстро, даже после смерти. Как будто в организме еще что-то работало». Дневник врача попал к нам только сейчас, после его смерти.»

Хейл почувствовал, как по спине пробежал холодок. Десять лет. Значит, это не новое. Это давнее. И системное. И его предшественники либо ничего не нашли, либо... закрыли глаза.

«Сержант, – сказал он тихо, но твердо. – Вся эту информацию – снимки, отчеты лаборатории, данные по старому делу – засекретить. Только ты и я. Никаких записей в общую базу. Понятно?»

Штраус удивленно подняла бровь. «Инспектор, это против...»

«Против протокола. Я знаю. Но я чувствую, что если мы начнем громко об этом говорить, если эти данные утекут... с нами может случиться то же, что с тем врачом. Или с Вейнером. Мы имеем дело с чем-то, что очень не хочет быть найденным. И у этого «чего-то» есть свои люди. Возможно, даже здесь.»

Он посмотрел в общий зал, на суетящихся коллег. Кто-то из них мог получать звонки с указаниями «не углубляться». Кто-то мог быть на чьем-то содержании. Город был большим, и тени в нем были глубоки.

Штраус, видя его серьезность, кивнула. «Хорошо. Только мы. Что дальше?»

«Шахта. Мы едем туда. Только вдвоем. Без сирен, без оповещения. Я хочу посмотреть на место своими глазами до того, как его «очистят». Возьми табельное и...» он заколебался, «...возьми фотокамеру с мощной вспышкой. И фонари.»

«Вы думаете, они могут быть там ночью?»

«Я думаю, что ночь – это их время, – мрачно ответил Хейл, собирая бумаги в портфель. – И нам нужно поймать их в их стихии, чтобы понять, с чем мы столкнулись. Иначе мы все просто исчезнем, как Вейнер, а в отчетах напишут «несчастный случай» или «самоубийство».»

Через двадцать минут их неприметная служебная машина катила по пустынным улицам к окраинам. Дождь начался снова, мелкий, назойливый. Хейл молчал, глядя на мелькающие в свете фар дома. Его ум пытался связать все воедино. Неизвестный вирус. Сверхчеловеческая сила. Следы серебра. Страх, запечатленный на клеточном уровне. Это была не банда. Это была... культура? Секта? Биологическое оружие, вышедшее из-под контроля?

«Инспектор, – тихо сказала Штраус, нарушая тишину. – Вы верите в... сверхъестественное?»

«Я верю в факты, – ответил Хейл. – А факты говорят, что есть группа лиц, обладающих технологиями или... биологическими особенностями, которые позволяют им действовать вне закона и оставаться невидимыми. Они существуют давно. Они умеют скрывать следы. И они убили, чтобы защитить свою тайну. Наша задача – найти их и представить перед судом. Все остальное – детали.»

Но даже самому себе он не мог признаться, что эти «детали» вызвали у него первобытный, животный страх. Страх перед тем, что прячется во тьме и обладает силами из старых сказок.

Машина остановилась в полукилометре от шахты, зарослей. Они прошли остаток пути пешком, под дождем, с фонарями в руках. Зброшенное здание машинного отделения стояло, как черный зуб на фоне неба. Дверь действительно была выломана – не взломанной отмычкой, а вырвана с корнем, с погнутыми петлями.

Внутри пахло пылью, гнилью и... сладковатым, химическим запахом, как в морге. Хейл включил фонарь. Луч выхватил из мрака следы борьбы: сломанные деревянные ящики, глубокие царапины на бетонном полу, пятна. Много пятен. Одни – темно-коричневые, человеческие. Другие – почти черные, густые. И были еще следы – обугленные участки на полу и стенах, как будто что-то прожигало бетон.

«Серебро?» – предположила Штраус, фотографируя.

«Или кислота, – ответил Хейл, присев у одного из черных пятен. Он провел пальцем в перчатке – субстанция была липкой, холодной. Он поднес фонарик ближе. «Посмотри.»

На полу рядом с пятном валялись мелкие, похожие на стружку, обломки. Не дерева. Не металла. Что-то напоминающее высохший хитин или очень плотную кожу. Хейл аккуратно положил образец в пакет.

Его фонарь выхватил дальний угол. Там, прислоненный к стене, лежал... мешок. Нет, не мешок. Тело. Одетое в черное. Хейл жестом приказал Штраус остаться на месте и медленно подошел.

Это был мужчина. Молодой. Лицо бледное, почти восковое. На шее – два аккуратных, маленьких прокола, уже подсохших. Но причиной смерти, судя по всему, было не это. Его грудь была пробита чем-то острым и широким, рваная рана. И что страннее всего – тело выглядело... иссушенным. Как будто из него выкачали не только кровь, но и влагу.

«Господи... – прошептала Штраус, подходя сзади. – Кто это?»

«Охотник, – неожиданно для себя сказал Хейл. – Или жертва. Трудно сказать.» Он осмотрел одежду. Ни документов, ни опознавательных знаков. Качество ткани отличное, но без лейблов. В кармане – пусто. Только в руке, сжатой в кулак, торчал обломок того же темного металла, что им принес фельдшер.

Хейл выпрямился, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Здесь дрались не на жизнь, а на смерть. И одна из сторон использовала оружие, которое не оставляло следов в базе данных. И методы, которые не вписывались ни в один учебник криминалистики.

Внезапно снаружи, из глубины черного провала шахты, донесся звук. Не крик. Не выстрел. Что-то вроде... низкого, протяжного скрежета, как будто тяжелый камень тащили по металлу. Потом – вспышка слабого, зеленоватого света, мелькнувшая на секунду и погасшая.

Хейл и Штраус замерли, вцепившись в оружие.

«Что это?» – еле слышно выдохнула сержант.

«Не знаю. Но мы не пойдем туда. Не сейчас.» Хейл принял решение быстро. «Мы снимаемся. У нас уже есть достаточно, чтобы понять масштаб. Мы вернемся с бригадой и спецоснащением. Днем.»

Они осторожно, пятясь, вышли из здания, не спуская глаз с черного входа в шахту. Им казалось, что из той тьмы за ними наблюдают. Множество глаз.

Когда они уже садились в машину, Хейл взглянул на холм напротив. На самом его гребне, под одиноким, склонившимся деревом, он увидел силуэт. Высокий, прямой. Человек в длинном пальто, стоящий неподвижно, лицом к шахте. И, казалось, прямо к ним. Расстояние было слишком велико, чтобы разглядеть детали, но Хейл почувствовал ледяной укол между лопаток. Наблюдатель. И он видел их.

Машина тронулась, и когда Хейл через секунду снова глянул на холм, силуэт исчез. Будто его и не было.

«Вы видели?» – спросил он Штраус.

«Да. Кто это?»

«Тот, кто знает правду, – хрипло ответил Хейл, давя на газ. – И, возможно, тот, кто расставляет ловушки. Для них. И для нас.»

Он молчал всю дорогу обратно, обдумывая следующий шаг. Он вышел на тропу войны с силами, которые не должны существовать. И теперь у него был труп, улики и растущая уверенность, что за всем этим стоит нечто большее, чем он мог вообразить. Город спал под дождем, не подозревая, что под тонкой пленкой нормальности кипит другая война. И он, Томас Хейл, человек закона, только что вступил на ее территорию. Без карты. Без правил. С одним лишь фонарем в руке, пытаясь осветить тьму, которая, он чувствовал, могла поглотить его целиком.

ГЛАВА 3 – Территория стаи

Выход из нижней галереи шахты был не входом, а трещиной в скале, скрытой завесой корней и буреломом. Элира вышла первой, замеряя на секунду неподвижной тенью, вбирая в себя ночь. Воздух пах дождем, хвоей и чем-то другим – мускусным, звериным. Они были на окраине городского лесопарка, в зоне, которую ковен десятилетия назад уступил стаям в качестве буфера. Нейтральная территория на бумаге. На деле – земля ничья, где правила писал тот, у кого в данный момент были клыки и когти.

Она обернулась и протянула руку в темноту трещины. Через мгновение ее пальцы обхватили теплую, дрожащую кисть Марка. Она вытянула его наружу, как тюк, не дав ему упасть. Он выкатился на влажную подстилку из хвои, тяжело дыша.

«Тихо,» – ее шепот был едва слышнее шелеста листьев. Она все еще держала его руку. Его пульс бешено стучал у нее в ладони, быстрый, живой барабанный бой. Ее собственное тело, хотя и восстановленное после шахтного боя, ныло глубокой усталостью. Трое охотников. Двое мертвы. Третий ушел, раненный, но он донесет. У нее было несколько часов, от силы пол ночи.

Марк откашлялся, вытирая грязь с лица. «Куда теперь?»

«В город. Но не напрямую. Есть старые канализационные коллекторы, они выводят к реке. Оттуда...» Она замолчала, ее взгляд обострился. Уши уловили то, чего не мог уловить Марк: мягкий, почти бесшумный топот по мокрой земле. Не один. Несколько. С двух сторон. Охватывая.

«Встань,» – приказала она, отпуская его руку. Ее собственная метнулась к поясу, где оставался последний клинок – короткий, с зазубренным лезвием, добытый в схватке. «Иди за мной. Бегом. Не оглядывайся.»

Но было уже поздно.

Из-за стволов старых сосен вышли фигуры. Не в звериной форме. Мужчины и одна женщина, одетые в потрепанную, практичную одежду – камуфляж, кожа, толстые рабочие куртки. Их движения были плавными, готовыми к взрыву, а глаза в полумраке отсвечивали слабым янтарным светом, как у хищников. Их было пятеро. Они образовали полукруг, отрезая путь к городу.

«Тихо, тихо, кровосос,» – произнес тот, что в центре. Он был крупнее других, с бородой, заплетенной в две косы, и шрамом через левый глаз. Его голос был низким, хриплым от рычания, которое он сдерживал. «Куда так спешно? Свидание в городе?»

Элира встала между ним и Марком, ее поза выражала не агрессию, а готовность. «Мы пересекаем нейтральную зону. Без намерения нарушить границы. Позвольте пройти.»

Женщина-оборотень, худая, с вороньими волосами, коротко рассмеялась. ««Позвольте пройти». Слышишь, Рагнар? Она вежливая. Для трупоедки.»

Рагнар Клык. Лидер местной стаи. Марк почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Элира не дрогнула, но напряжение в ее спине усилилось.

«Мы знаем тебя, Элира Нокс, – сказал Рагнар, делая шаг вперед. Его ноздри дрогнули, вдыхая воздух. – Оперативник ковена. А теперь – мятежница. Беглянка. И с собой привела... – его желтый взгляд уперся в Марка, – привела ту самую заразу. Человека, который видел то, чего не должен.»

«Он не ваша забота,» – отрезала Элира.

«Он стал нашей заботой, когда ваш сородич убил нашего брата в его же логове! – голос Рагнара налился яростью, став глубже, грубее. Кости его плеч хрустнули. – А потом ты, его куратор, убила еще двоих моих разведчиков. Один – в человеческом гнезде. Второй... – он кивнул в сторону шахты, – там, внизу. Мы нашли его. Высушенным, как осенний лист.»

«Он напал на нас,» – сказал Марк, и его собственный голос прозвучал удивительно твердо. Все взгляды, включая Элирин, устремились на него. «Ваш человек пришел убить меня. Она защищалась.»

Рагнар медленно повернул голову к нему, будто замечая впервые. «Он говорит. Смело, для обеда. Ты знаешь, мальчик, что за тобой теперь охотятся все? Твои же вампиры хотят тебя стереть. Полиция хочет посадить. А мы... мы хотим справедливости. И крови. Крови, которая смоет оскорбление.»

«Справедливость – это не убийство невиновного,» – парировал Марк. Его ум лихорадочно работал. Он видел их мышцы, готовые к трансформации, видел иерархию в их расстановке. Рагнар – альфа. Остальные – бета, ждущие команды. Его медицинский ум отмечал признаки повышенного уровня тестостерона и адреналина даже в человеческой форме: расширенные зрачки, повышенное потоотделение, микроподергивания мышц.

«Невиновного? – Рагнар плюнул. – Ты видел наш мир. Ты – трещина в стене, через которую видно наше уничтожение. В войнах между нашими расами вы, люди, всегда были удобренным. Так будет и сейчас.»

Элира поняла, что переговоры окончены. Она оценила расстояние, позиции. Пятеро. Опытных. В открытом поле, с человеком на руках. Шансы были ничтожны.

«Марк, – сказала она, не отводя от Рагнара глаз. – Когда я скажу – беги к реке. Вниз по склону. Не оглядывайся.»

«Я не оставлю тебя,» – прошептал он.

«Это не просьба.»

Рагнар усмехнулся, обнажив зубы, которые уже казались чуть длиннее обычных. «Трогательно. Последняя попытка хищницы защитить свою добычу. Но сегодня ночью добычей станете оба.»

Он не стал трансформироваться полностью. Это заняло бы секунды, которых у него не было, если Элира решит рвануть. Вместо этого его тело изменилось – мышцы вздулись под одеждой, костяшки пальцев выступили, превращаясь в зачатки когтей, а его челюсть выдвинулась вперед, искажая речь. «Возьмите человека живьем. Кровососу – серебро в сердце.»

Это был приказ.

Двое оборотней справа рванули вперед, не как люди, а как спринтеры на старте. Элира двинулась навстречу не отступая. Ее клинок блеснул в лунном свете, описывая дугу. Он встретился с когтем одного из нападавших, отскочив со звоном. Второй попытался обойти ее, целясь в Марка. Элира извернулась, пнув его в колено с такой силой, что раздался хруст. Оборотень завыл, но не упал, его ярость заглушала боль.

Марк отпрыгнул назад, наткнувшись на дерево. Его глаза искали что-то, что можно использовать. Камень. Палку. Ничего. Только хвоя и грязь.

Рагнар, наблюдая, как его люди связывают вампиршу, медленно приближался к Марку. «Смотри, человечиска. Смотри, как умирает твой защитник. А потом мы поговорим о том, что ты видел. Подробно.»

Элира отбивалась с яростью загнанного зверя. Она ранила одного оборотня в плечо, другого – в бедро. Но их было трое, не считая Рагнара и хромого. Они использовали тактику: один отвлекал, двое атаковали с флангов. Ее плащ был изорван, на руке появилась глубокая царапина от когтя. Она теряла кровь. Холодную, но все же кровь.

«БЕГИ, МАРК!» – крикнула она, блокируя удар, который мог бы снести ей голову.

Марк не побежал. Его взгляд упал на пояс Рагнара. Там, среди прочего хлама, висела маленькая, плоская фляжка. И на поясе у женщины-оборотня – такая же. Все они были с фляжками. Вода? Нет. Что-то крепче. Самогон? Спирт? Его ум собрал факты: ускоренный мета-

болизм, гормональная нестабильность, стрессовая трансформация... И фляги с потенциально горючим веществом.

Это была безумная идея.

Рагнар был уже в двух шагах, его полузвериная морда исказилась в ухмылке. «Концерт окончен.»

Марк сделал не то, чего от него ждали. Он не побежал. Он бросился вперед, не на Рагнара, а мимо него, к сражающейся Элире и трем оборотням. Его движение было настолько неожиданным и глупым, что даже Рагнар на секунду застыл.

«Элира! Фляги! На их поясах!» – закричал Марк, падая на колени, чтобы избежать захвата одного из бета.

Элира, даже в гуще боя, услышала. Ее взгляд метнулся к ближайшему оборотню, увидел флягу. Она не поняла замысла, но поняла команду. Вместо того чтобы наносить смертельный удар, ее клинок блеснул, перерезая ремешок фляги на поясе противника. Она поймала ее на лету левой рукой.

«Отойди!» – закричал Марк, вытаскивая из кармана единственное, что у него было – зажигалку для экстренных случаев, дешевую, пластиковую.

В этот момент Рагнар, придя в себя, рыкнул и бросился вперед, чтобы схватить Марка. Элира швырнула флягу не в Рагнара, а в землю перед ним. Тонкий металл лопнул от удара о камень, и резкий, кислый запах самогона ударил в воздух.

Марк чиркнул зажигалкой и бросил ее в лужу спирта.

Вспыхнуло не пламя, а ослепительная, синяя вспышка, которая на секунду осветила всю поляну. Огонь лизнул штанину Рагнара. Для человека это был бы ожог. Для оборотня, чья биология и так была на грани перегрева от ярости и стресса, это стало триггером. Паника. Инстинктивный, животный страх перед огнем.

Рагнар отпрянул с рыком, больше от неожиданности, чем от боли, сбивая с ног одного из своих. На секунду строй бета нарушился.

Элира не стала этого ждать. Она вонзила клинок в горло ближайшему, оглушенному вспышкой, оборотню, вырвалась из кольца и схватила Марка за шиворот. «ДЕРЖИСЬ!»

Она бросилась к обрыву, ведущему к реке. Не побежала – прыгнула, утянув его за собой. Они полетели вниз по крутому, заросшему склону, кувыркаясь через кусты, камни и корни. Сзади раздался яростный, униженный рев Рагнара и начавшийся лай его стаи, но они уже не преследовали – огонь и потеря одного из своих дезорганизовали их.

Падение закончилось на мягкой, илистой отмели у самой воды. Марк откашлялся, выплевывая грязь. Все тело болело. Элира поднялась рядом, ее дыхание было ровным, но лицо в лунном свете казалось высеченным из белого мрамора. Она смотрела на него. Не с гневом за неподчинение. С чем-то другим. С изумлением.

«Фляги... огонь...» – она произнесла, как будто разгадывая сложную головоломку.

«Стресс, адреналин... они на грани контроля, – задыхаясь, объяснил Марк, садясь. – Любая внезапная угроза, особенно огонь... это могло вызвать панику, сбой в групповой динамике. Я... я не был уверен.»

«Это было безрассудно, – сказала она. Но в ее голосе не было упрека. – И... эффективно.»

Сверху, с обрыва, донесся еще один протяжный вой, полный обещания мести. Но он звучал уже дальше. Они выиграли несколько минут.

Элира протянула ему руку. «Встань. Они оправятся быстро. И Рагнар теперь будет охотиться лично. До рассвета нужно быть в городе.»

Марк взял ее руку. Ее пальцы были холодными и сильными, покрытыми темной, липкой кровью – не ее, чужой. Он поднялся, пошатываясь. «Ты ранена.»

«Пустяки. Идем.»

Она повела его вдоль реки, к темному силуэту дренажной трубы, уходящей под город. Прежде чем нырнуть в ее чрево, Марк обернулся. На том самом обрыве, с которого они только что свалились, стояла одинокая фигура. Не оборотень. Высокая, в длинном пальто. Стояла неподвижно, наблюдая. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо, но близко, чтобы почувствовать ледяное, оценивающее внимание.

Виктор. Он видел все. И, возможно, именно он навел на них стаю.

«Элира...» – начал Марк.

«Я знаю, – сказала она, не оборачиваясь. Ее голос был плоским, усталым. – Он всегда наблюдает. Это его игра. И мы только что сделали ход. Теперь очередь за ним.»

Она толкнула его в темный проход трубы. Запах гнили и химикатов ударил в нос. Но это был путь к относительной безопасности. К еще одной ночи в бегах.

Позади, на нейтральной земле, осталась кровь, огонь и семя новой войны. Рагнар Клык не простит унижения. А Виктор Рейвенкрофт, наблюдатель в ночи, наверняка уже строил планы, как использовать эту стычку, чтобы разжечь пламя, которое поглотит всех.

Логово стаи Рагнара Клыка располагалось не в промзоне, а в подвальных лабиринтах старой городской котельной, заброшенной еще в семидесятых. Помещения здесь были обшиты деревом, поглощающим звук, пахло дымом, мокрой шерстью, кровью и травами. В главном зале, где когда-то гудели котлы, теперь горел костер в выложенной камнями яме, отбрасывая прыгающие тени на стены, испещренные шрамами от когтей и ритуальными отметинами.

Тело убитого Элирой оборотня – молодого воина по имени Ульф – лежало на грубых носилках из веток в центре круга. Его очистили от грязи, рану на горле прикрыли лоскутом ткани. Ритуальный огонь гудел, как живое существо. Вокруг стояла вся стая, человек двадцать пять. Мужчины, женщины, даже несколько подростков с горящими глазами. Воздух гудел от подавленной ярости и горя.

Рагнар стоял у головы покойного, его могучая фигура была напряжена, как тетива. Шрам на лице казался глубже в свете пламени. Он не рычал, не кричал. Его молчание было страшнее любого вопля.

«Третий, – наконец произнес он, и голос его был низким, подобным подземному грому. – Третий за неделю. Убитый не в честном бою за территорию, не в лунной ярости. Убитый как щенок... кровососом. И тем же клинком, что и наш брат в человеческом гнезде.»

В толпе пронесся глухой, зловеющий гул.

«И этот же кровосос, – продолжил Рагнар, повышая голос, – эта Элира Нокс, беглянка от своих же, осмелилась войти на нашу землю. Осмелилась защищать свое пятно – человека, который видел нашу тайну. И осмелилась уйти. С ним.»

«Мы должны сжечь их логово! Выпустить кишки всем этим бледным тварям!» – выкрикнул молодой оборотень с перевязанным плечом – тот самый, что получил удар Элиры в шахте.

«Молчи, Гарт! – рявкнула женщина с вороньими волосами, Сигтрид. Она была одной из старейшин, ее лицо покрывала сеть шрамов, а глаза смотрели холодно и расчетливо. – Ты хочешь войны? Полномасштабной? С ковенем, у которого серебра больше, чем у нас когтей?»

«Они уже начали войну!» – заорал Гарт.

«НЕТ! – громовой голос Рагнара заставил всех вздрогнуть. – Начал не ковен. Начал один кровосос. Мятежница. Изгой. И человек. Один. Единый. Человек.»

Он медленно прошелся вдоль круга, его желтый взгляд скользил по лицам сородичей. «Я нюхал его страх. Он был настоящим. Горячим. Но... в нем не было слабости труса. Он

стоял. Он смотрел. И он... ДЕЙСТВОВАЛ.» Последнее слово Рагнар выплюнул с изумлением, смешанным с ненавистью. «Он поджег наш спирт. Использовал нашу ярость против нас. Он думал. В разгар боя, когда любой смертный должен был обмочиться от страха, он думал.»

Сиггрид склонила голову набок. «Ты говоришь о нем не как о добыче, Рагнар. Ты говоришь как о... противнике.»

«Противник заслуживает уважения. Добыча – только жалости и зубов, – прошипел Рагнар. Он остановился перед другим старейшиной – древним, сгорбленным оборотнем по имени Морд. Тот почти не выходил на поверхность, его кожа была бледной, а глаза мутными, но в стае его слушали. Он был хранителем преданий, знатоком старой крови. «Морд. Ты помнишь записи. Бывало ли такое, чтобы человек, узнавший нашу суть, не сходил с ума? Не бежал? Не молил о пощаде?»

Морд медленно поднял голову. Его голос был сухим шелестом паутины. «В старых хрониках... есть упоминания. Людей с холодной кровью в жилах. Людей-аналитиков. Лекарей, алхимиков. Тех, кто видел наш мир и пытался его понять, а не просто бояться. Инквизиторы. Охотники на ведьм. Ученые в секретных проектах ваших же правительств. Они всегда были проблемой. Они видели закономерности там, где другие видели лишь ужас.»

«И что с ними случилось?» – спросила Сиггрид.

«Их либо убивали сразу, чтобы сохранить тайну. Либо... пытались использовать. Их знания иногда бывали ценнее, чем их страх.»

В зале воцарилась тишина, нарушаемая только треском огня. Идея висела в воздухе, новая, опасная, как незнакомый запах.

«Ты предлагаешь не убить его?» – спросил Гарт с недоверием.

«Я предлагаю подумать, – сказал Рагнар, поворачиваясь ко всем. – Ковен хочет его мертвым. Полиция хочет его поймать. Он – ключ. Ключ к позору ковена, если мы его представим Совету Теней как живого свидетеля их неумелого скрытия. Ключ к... пониманию.» Он замолчал, подбирая слова. «Мы воюем с кровососами века. И мы проигрываем. Не в силе, а в... в хитрости. В проникновении в их мир людей. Они контролируют деньги, информацию. Мы – только территории и когти. Этот человек... он медик. Он мыслит. Он увидел нашу слабость у огня. Что, если он сможет увидеть больше?»

«Ты хочешь его завербовать?» – Сиггрид фыркнула. «Он в связке с вампиршей. Он доверяет ей. Она спасла ему жизнь.»

«А он спас ее сегодня, – парировал Рагнар. – Это делает их связь иной. Не хищник и жертва. Это... союз. Хрупкий. Противоестественный. И поэтому, возможно, уязвимый. Что, если мы предложим ему то, чего вампиры никогда не предложат? Его собственную жизнь. Без необходимости скрываться. Под нашей защитой.»

«В обмен на что?» – спросил Морд, прищурившись.

«В обмен на знания. О ковене. О их слабостях. О том, как они думают. Он был среди них. Он видел Элиру, ее методы. Он мог бы... консультировать. А также...» Рагнар сделал паузу. «Его медицинский ум. Наши раны заживают быстро, но яд серебра, некоторые вирусы... мы уязвимы. Возможно, он смог бы найти противоядия. Усилить нас. Не магией, а наукой. Той самой наукой, которой пользуются люди, даже не подозревая о нас.»

Идея, сначала казавшаяся ересью, начала обретать очертания стратегии. Обратни переглядывались. Месть была сладка, но победа – питательнее.

«А как мы его найдем? – спросила Сиггрид. – И как возьмем, не убив его и не вступив в бой с той бешеной самкой?»

«Мы найдем его через того, кто знает все, – ухмыльнулся Рагнар, и в его улыбке не было ничего доброго. – Через того, кто наблюдал за всем сегодня с холма. Виктора Рейвенкрофта.»

«Вампира? Ты сумасшедший! Он предаст!»

«Он предаст своих, если это даст ему власть, – сказал Рагнар. – Я чувствую его запах в этой истории. Он подталкивал нас к той встрече. Он хочет войны, но хочет, чтобы ее начали мы. Значит, он даст нам то, что нам нужно, если мы пообещаем взамен... нужный ему взрыв. Мы получим человека. Он получит свой повод для резни.»

«Это слишком рискованно, Рагнар, – покачал головой Морд. – Игра с ядом.»

«А что мы делаем каждый полнолуний? – гневно спросил Рагнар. – Мы играем с ядом внутри нас! Мир меняется. Люди с их технологиями видят все больше. Маскарад трещит. Случай с полицией, с тем инспектором... он не последний. Нам нужно либо уйти в самые глубокие тени и медленно вымирать, либо найти новый способ выжить. Этот человек... он мост. Между нашим миром и их. Он уже на мосту. Нам нужно лишь перетащить его на нашу сторону.»

Он подошел к телу Ульфа и положил свою огромную ладонь ему на лоб. «Клянусь твоей кровью, брат. Твоя смерть не будет напрасной. Мы воспользуемся этим ключом. И если он не повернется... тогда мы ломаем его и бросим к ногам ковена как вызов.»

Он выпрямился, его фигура в свете костра казалась гигантской, мифической. «Сиггрид, собери группу следопытов. Ищите их след от реки. Но не атакуйте. Наблюдайте. Гарт, успокой свою ярость. Она понадобится позже. Морд, покопайся в хрониках. Ищи все, что связано с людьми, которые знали нашу правду и служили не вампирам. Я... я отправлюсь на встречу с тенью.»

Он имел в виду Виктора. Стая загудела, но приказ был ясен. Месть откладывалась. Начинаясь охота нового типа – не на мясо, а на разум. На союзника.

Сиггрид после совета подошла к Рагнару, когда тот проверял свои когти у стены. «Ты уверен в этом, жолак? Человек... он хрупкий. Он может сломаться. Или обмануть.»

«Я уверен в одном, – сказал Рагнар, не глядя на нее. – Он посмотрел в глаза мне, Рагнару Клыкку, и не отвел взгляда. В нем есть сталь. И эта сталь сейчас принадлежит вампирше. Но все, что принадлежит им, можно отобрать. Особенно если предложить свободу.»

Он вышел из зала в узкий каменный коридор, ведущий на поверхность. Ему нужно было отправить сигнал Виктору – через старые, грязные каналы, которыми пользовались все фракции в моменты необходимости. Предложение. Сделка.

Где-то в сырых трубах под городом человек, о котором они говорили, пытался перевязать царапину на руке вампирши, его пальцы дрожали от усталости, но ум работал безостановочно, анализируя слабости, строя планы. Он не знал, что стал предметом стратегического интереса, пешкой в игре, которая вот-вот должна была перерасти в нечто большее. Для Рагнара он был ключом. Для Виктора – спичкой, которой можно поджечь пороховую бочку. Для Элиры... он стал чем-то, что уже нельзя было назвать просто «подопечным».

А для самого Марка Вейнера все было проще и сложнее одновременно. Он просто хотел выжить. И сохранить ту, что смотрела на него сейчас в полутьме дренажного коллектора с немой вопросом в глазах – вопросом, на который у нее не было ответа, а у него не было слов.

Дождь барабанил по жестяной крыше заброшенной судоремонтной мастерской, превращая ночь в монотонный гул. Внутри, в бывшей каптерке, пахло ржавчиной, маслом и сыростью. Элира стояла у заколоченного окна, в щель между досками наблюдая за мокрой пустошью промзоны. Ее раны – царапины от когтей – уже затянулись тонкими розовыми линиями,

но усталость сидела глубоко в костях, не физическая, а та, что годами копилась от службы системе, которая теперь хотела ее смерти.

За ее спиной, на разобранном диване, найденном на свалке, сидел Марк. Он разбирали и чистил газовую горелку, найденную в углу – жалкое подобие оружия, но лучше, чем ничего. Его движения были методичными, точными. За последние сорок восемь часов, проведенных в бегах, он превратил эту конуру в подобие убежища: расчистил площадь, установил сигнальные растяжки на подходах, организовал скудные запасы еды и воды, которые Элира добывала, рискуя выйти в город.

«Они ищут нас не только сверху, – тихо сказал Марк, не отрываясь от работы. – Они ищут под землей. В коллекторах. Я слышал эхо сегодня – металлический лязг, не случайное. Как будто что-то тащили.»

«Ковен проверяет старые пути, – ответила Элира, не оборачиваясь. – Они знают мои привычки. Знают, что я предпочитаю инфраструктуру. Но здесь... здесь слишком пахнет человеком. Они не любят такие места.»

«А оборотни?»

«Оборотни будут искать по запаху. Но дождь смывает следы. У нас есть еще ночь. Может, две.» Она сказала это бесстрастно, но он слышал напряжение в ее голосе.

Марк отложил горелку. «Мы не можем вечно бегать, Элира. Нужен план. Настоящий.»

«План – выжить.»

«Это не план. Это инстинкт.» Он подошел к ней. От нее исходил холод, но он уже перестал его замечать. «Ты говорила о Совете Теней. Если мы придем к ним сами...»

«Они убьют меня на месте за мятеж. А тебя изолируют навсегда. Или сотрут память. Это не выход.»

«Тогда что? Сражаться со всеми сразу?» В его голосе прозвучало отчаяние, которое он тут же подавил.

Элира наконец отвернулась от окна и посмотрела на него. В темноте ее глаза были просто темными впадинами. «Есть... одна возможность. Очень тонкая. Почти безумная.»

«Я слушаю.»

«Виктор. Он играет в свою игру. Он хочет войны, но не просто так. Он хочет власти. Если он использует нас как триггер... значит, мы для него ценны живыми. Пока. Мы могли бы... попытаться сыграть на его поле. Предложить ему сделку.»

Марк с недоверием покачал головой. «Тот, кто предал тебя перед ковром? Тот, кто натравил на нас оборотней? Ты хочешь довериться ему?»

«Нет. Но можно создать ситуацию, в которой ему будет выгодно нас временно защищать. Например, если мы станем свидетелями его... «подвигов». Или если у нас будет информация, которая скомпрометирует его врагов внутри ковена.» Она говорила быстро, как будто сама убеждала себя. «Я знаю некоторые его тайные проекты. Взаимное уничтожение.»

Это была авантюра. Отчаяние. Но Марк видел в ее глазах то же, что чувствовал сам – тупик. «Хорошо. Предположим, мы решаемся на это. Как выйти на него? Он найдет нас сам, когда захочет.»

«Возможно, – Элира вздохнула. – А пока мы ждем. И готовимся.»

Внезапно она замолчала, ее тело напряглось. Она подняла руку, требуя тишины. Марк замер. Сначала он не услышал ничего, кроме дождя. Потом – далекий, но отчетливый звук. Не лязг. Вой. Одинокий, протяжный, полный ярости и тоски. Он шел с северо-востока, со

стороны лесопарка. Затем к нему присоединился другой, потом третий. Это был не хаотичный рев. Это был структурированный сигнал. Вызов.

«Стая, – прошептала Элира. – Они что-то объявляют. Или кого-то вызывают.»

В это же время, в пяти километрах от них, на нейтральной территории заброшенного цементного завода, встреча, которая могла изменить баланс сил, уже подходила к концу. Место было выбрано не случайно: открытое пространство, никаких укрытий для засад, хорошо просматриваемое со всех сторон. Луна, пробиваясь сквозь разрывы в тучах, заливала серебристым светом груды битого кирпича и ржавые каркасы цехов.

Рагнар Клык стоял, скрестив руки на груди, в человеческой форме, но его осанка выдавала зверя, готового взорваться в любой момент. Рядом с ним были двое: Сиггрид и молодой, быстрый следопыт по имени Фенрир. Они пахли дождем, землей и скрытой силой.

Перед ними, в трех метрах, стоял Виктор Рейвенкрофт. Он был один. Его темное пальто было сухим, несмотря на дождь, а лицо освещалось холодной, вежливой улыбкой.

«...и потому, – договаривал Виктор, – предоставление вам местоположения мятежницы и ее питомца является для меня... незначительной услугой. Взамен я прошу лишь гарантий, что определенные события произойдут в нужное время и в нужном месте.»

«Гарантий? – проворчал Рагнар. – Мое слово – гарантия. Если ты дашь нам человека, мы устроим показательную... встречу с кровососами на старом вокзале. Там, где границы ваших секторов сходятся. Будет шумно. Будет кровь. И твои конкуренты в ковене получают по заслугам за «неспособность контролировать свою мятежницу».»

«Идеально, – кивнул Виктор. – Селена Восс будет вынуждена отправить туда своих лучших бойцов, чтобы сохранить лицо. Они столкнутся с вашей засадой. Хаос будет прекрасен. А я в это время буду решать вопросы с оставшимися без защиты старшими.»

«А человек?» – спросила Сиггрид, ее глаза сузились. «Ты уверен, что он будет там?»

«Элира умна. Но у нее есть ахиллесова пята – сентиментальность. Если она узнает, что на вокзале назначена встреча по обмену заложниками – ее бывшего напарника, которого схватила моя группа, на... ну, скажем, на тебя, дорогой Рагнар, – она придет. Из чувства долга или глупости. А где она, там и ее тень. Марк Вейнер.»

Рагнар издал низкое, одобрительное ворчание. «Хитро. И как мы узнаем точное место?»

Виктор вынул из кармана маленький, невзрачный телефон и бросил его Рагнару. Тот поймал его на лету. «В нем одно число. За час до встречи я пришлю координаты. Не пытайтесь его отследить – это одноразовый аппарат. И помните...» Его голос потерял вежливую оболочку, став ледяным и острым. «...человек должен остаться жив. Неповрежденным. Если вы разорвете его на части в пылу боя, наша сделка аннулируется, и я лично позабочусь о том, чтобы следующая полная луна стала для вашей стаи последней.»

Угроза повисла в воздухе. Фенрир зарычал, но Рагнар жестом остановил его. «Он будет жив. Пока не передадим его Совету. Или пока он не согласится работать на нас. После этого... его судьба будет нашей заботой.»

«Принимается, – Виктор сделал легкий, насмешливый поклон. – Тогда все решено. Жду вашего спектакля на вокзале. Приятной охоты.»

Он развернулся и пошел прочь, его фигура быстро растворилась в тени разрушенной стены. Ни звука шагов. Просто исчез.

Сиггрид выдохнула, которого, казалось, ждала вечность. «Я не доверяю ему. Ни на секунду.»

«И я нет, – сказал Рагнар, сжимая телефон в кулаке. – Но он дает нам то, что нам нужно. А потом... потом мы посмотрим, чья возьмет. Готовьте стаю. Отбирай двадцать лучших. Не для убийства – для захвата. Серебра минимум. Успокоительные дротики, сети. Мы берем человека живым, а кровососов режем как скотину. Это послужит уроком и ковену, и Виктору.»

Он поднял голову и издал тот самый протяжный вой, который слышали Элира и Марк. Сигнал. Сбор. Войну начинать рано. Но охоту – самое время.

Вернувшись в свое временное логово – роскошный, но безличный пентхаус в деловом квартале, официально принадлежащий офшорной компании, – Виктор снял пальто и подошел к панорамному окну. Город внизу сиял тысячами огней, слепых к тому, что творилось в его подбрюшьи.

Из тени на балконе вышла Селена Восс. Она была в элегантном вечернем платье, будто только что с приема. Ее лицо было маской холодной красоты.

«Ну?» – спросила она.

«Все идет по плану, – ответил Виктор, не оборачиваясь. – Звери клюнули. Они устроят засаду на вокзале, куда, как они думают, придет Элира спасти своего старого друга.»

«А придет ли?»

«Она придет. Я позаботился о том, чтобы слух об этом дошел до ее ушей через... надежные каналы. Ее чувство долга – ее слабость. И там ее накроют оборотни. Произойдет бойня. Несколько наших погибнут. Несколько ихних тоже. И, что самое главное...» он наконец повернулся к Селене, «...на месте будет присутствовать инспектор полиции Томас Хейл. Я позабочусь, чтобы он получил анонимный звонок о «массовой драке банд» как раз в тот момент. Он увидит нечто... необъяснимое. Маскарад получит трещину, которую уже нельзя будет игнорировать. И виноваты в этом будут оборотни. И, конечно, мятежница Элира.»

Селена оценивающе смотрела на него. «Рискованно. Совет Теней может вмешаться.»

«Пусть вмешиваются. Они объявят охоту на стаю Рагнара. Мы предоставим «доказательства» их неуправляемости. Ковен получит мандат на полное очищение территории. А ты, дорогая Селена, возглавишь операцию. Твой авторитет взлетит до небес. Старые советники, вроде Кассиуса... они устарели. Нам нужны новые, решительные лидеры.»

В его глазах горел холодный, честолюбивый огонь. Селена медленно кивнула. «А человек? Вейнер?»

«Рагнар хочет его живым. Думает, что использует. Но в суматохе... несчастный случай. Пуля оборотня, например. Или серебряный осколок. Человек умрет, Элира, увидев это, возможно, окончательно потеряет контроль и будет добита. Или ее захватят и предадут суду Совета. В любом случае, проблема будет решена. А мы получим войну, которую я смогу возглавить, и власть, которая последует за победой.»

Он подошел к бару, налил себе бокал темно-красной жидкости – не вина. «За новый порядок. Где баланс будет диктовать не Совет старых болванов, а сила и воля.»

Селена взяла предложенный ей бокал, но не пила. «Я надеюсь, твой план столь же безупречен, как твоя уверенность, Виктор. Одна ошибка – и мы все будем гореть в том огне, который ты разжигаешь.»

«Огонь очищает, Селена, – улыбнулся он, отпивая. – Просто нужно устоять в пламени.»

Внизу, в промзоне, Марк Вейнер, не подозревая, что стал разменной монетой в трехсторонней игре, наконец заснул на диване, изможденный. Элира сидела рядом на полу, спиной к стене, наблюдая за его сном. Его дыхание было неровным, лицо – напряженным даже во сне. Она смотрела на него, и что-то древнее, мертвое, внутри нее шевельнулось, причиняя почти физическую боль. Она хотела защитить это хрупкое, упрямое пламя жизни любой ценой. Даже ценой сделки с дьяволом. Даже ценой себя.

Она не знала, что дьявол уже составил контракт, в котором ее жизнь и жизнь Марка были всего лишь пунктами. И что счетчик уже тикал, приближая их всех к кровавой развязке на старом вокзале, где сойдутся нити заговора, предательства и той самой запретной связи, которая, сама того не ведая, уже меняла правила игры.

ГЛАВА 4 – Запретная близость

Тишина в заброшенной мастерской стала физической субстанцией, густой и тягучей, как смола. Дождь стих, превратившись в редкие, тяжелые капли, отбивающие дробь по крыше. Марк проснулся от кошмара, в котором когти и клыки сплетались в один кровавый клубок, а лицо Элиры то появлялось, то исчезало в дыму. Он сел на диване, сбивая с себя липкий пот. Было холодно. В укрытии, кроме него, никого не было.

Паника, острая и слепая, сжала горло. Он вскочил, осматриваясь в полутьме, подсвеченной лишь тусклым уличным фонарем из далекого окна. «Элира?»

Никакого ответа. Только скрип старого дерева и шорох ветра в щелях. Он остался один. Может, она ушла, чтобы не тянуть его за собой? Или ее нашли? Схватили?

Он сделал шаг к двери, и тут из тени в дальнем углу отделилась фигура. Она стояла там, прислонившись к стене, совершенно неподвижно, слившись с мраком. Он вздрогнул, сердце заколотилось.

«Я здесь,» – ее голос был тихим, безжизненным.

«Черт возьми... я думал...» Он выдохнул, прислонившись к столу. «Ты почему в темноте?»

«Мне не нужен свет, чтобы видеть.» Она сделала шаг вперед. Луч уличного света упал на ее лицо. Она выглядела измученной. Не физически – ее раны зажили. Но в глубине глаз, которые казались теперь просто очень темными, таилась усталость, которой не должно было быть у бессмертной.

«Что случилось?» – спросил он.

«Я выходила. Слушала. Город... гудит, как улей перед бурей. Ковен стягивает силы в район старого товарного вокзала. Оборотни тоже. Идут переговоры. Обмен. Или засада. Я не могу разобрать.»

Марк почувствовал, как холодок пробежал по спине. «Обмен? Кого?»

«Моего бывшего напарника. Арлена. Он был ранен в той первой стычке в промзоне. Я думала, он в безопасности, на лечении. Но, похоже, Виктор или Селена взяли его. Используют как приманку.»

«Приманку? Для кого?»

Она посмотрела прямо на него. «Для меня. Они знают, что я не оставлю своего. Даже если это ловушка.» В ее голосе не было гордости или героизма. Только констатация факта, горького и неумолимого.

Марк подошел ближе. Теперь он видел все: тонкую дрожь в ее руках, сжатых в кулаки, напряжение в уголках губ. «Ты не пойдешь.»

«Я должна.»

«Это самоубийство! Ты же сама сказала – это ловушка!»

«И что? – ее голос внезапно сорвался, в нем прозвучала сдавленная ярость. – Оставить его умирать? Стать такой же, как они? Хладнокровной, расчетливой тварью, для которой все

вокруг – инструменты?» Она отвернулась, ее плечи сжались. «Я и так уже переступила через все. Но эту черту... нет.»

Марк замолчал. Он понимал. Это была ее последняя связь с тем, кем она была до него. С долгом, с честью, с миром, где правила были четкими, даже если жестокими. Отказаться от этого – значит стать окончательно изгоем, даже от самой себя.

«Тогда я иду с тобой,» – сказал он тихо.

Она резко обернулась, глаза в темноте вспыхнули алым. «Нет! Ты останешься здесь. Это не твоя война.»

«Все, что происходит – из-за меня! – его голос тоже поднялся. – Из-за того, что ты спасла меня. Из-за того, что я видел. Твои люди хотят меня убить, оборотни хотят меня похитить, Виктор играет в свои игры. Это УЖЕ моя война, Элира! И я не буду сидеть здесь, в этой конуре, пока ты идешь умирать за остатки своей старой жизни!»

Они стояли друг напротив друга, дыхание Марка было частым и горячим, от Элиры исходила волна ледящего воздуха. Два мира, две природы, столкнувшиеся в тесном пространстве, полном страха и грязи.

«Ты умрешь,» – прошептала она, и в этом шепоте была не угроза, а мука. «Там будет ад. Они разорвут тебя, чтобы добраться до меня. Или я... я могу не сдержаться. В пылу боя, когда кровь и ярость... я могу забыть. Увидеть в тебе просто тепло, просто кровь...» Она закрыла лицо руками, редкий жест абсолютной уязвимости. «Я боюсь не их, Марк. Я боюсь себя. Рядом с тобой.»

Эти слова повисли между ними, обнажая самую суть запрета. Хищник и жертва. Вирус и носитель. Его кровь звала ее, даже сейчас, даже сквозь все запреты и страх. А ее близость, ее сила, ее самая суть пугали его на животном уровне. И все же...

Марк медленно, как к дикому, раненому зверю, протянул руку. Не чтобы дотронуться. Просто, чтобы рука висела в воздухе между ними. «Ты не тронула меня, когда могла. Когда была ранена и голодна. Ты взяла лишь столько, сколько нужно было, чтобы выжить. И после этого не стала монстром. Ты сражалась за меня. Снова и снова.»

«А что, если в следующий раз я не сдержусь? Что, если этот... этот голод окажется сильнее?» Она смотрела на его протянутую руку, как на западню.

«Тогда это будет мой выбор, – сказал Марк. Его голос стал тверже. – Мой риск. Я не ребенок. Я вижу, кто ты. И да, ты опасна. Но ты также... ты единственная реальная и честная вещь в этом кошмаре. Ты не лжешь мне. Не используешь. Ты просто... есть. И я доверяю тебе. Больше, чем себе сейчас.»

Он сделал шаг вперед. Теперь его пальцы были в сантиметре от ее плеча. Он чувствовал исходящий от нее холод. «Мы идем вместе. Потому что по отдельности мы умрем наверняка. Вместе... есть шанс. Пусть маленький. Пусть призрачный.»

Элира смотрела в его глаза. Она искала там страх, сумасшествие, хоть что-то, что дало бы ей право оттолкнуть его, запереть здесь, пойти одной на смерть. Но видела только усталую решимость и что-то еще... что-то теплое и непоколебимое, что она не могла назвать, но что заставляло ее собственное мертвое сердце сжиматься от невыносимой, забытой боли.

Она медленно, будто против собственной воли, подняла свою руку. Ее пальцы, длинные, бледные и холодные, коснулись его ладони. Контакт был как удар током – для обоих. Для него – ледяное жжение. Для нее – шквал тепла, жизни, пульсации крови так близко под тонкой кожей. Ее инстинкт взревел, требуя, умоляя, угрожая. Она сжала зубы, чувствуя, как клыки удлиняются, наполняясь ядом, который не был ядом, а был голодом, страстью, всем сразу.

«Видишь?» – выдохнула она, пытаясь отдернуть руку.

Но Марк не отпустил. Он сжал ее пальцы. Его хватка была слабой по сравнению с ее силой, но абсолютно твердой. «Вижу. И я не боюсь.»

Это была ложь. Он боялся. Боялся дико. Но страх этот был меньше чего-то другого. Меньше благодарности. Меньше ответственности. Меньше того странного, тянущего чувства, которое возникало, когда он смотрел на ее отчаянное, прекрасное, нечеловеческое лицо.

Элира замерла. Борьба внутри нее была видна невооруженным глазом: мышцы на лице подрагивали, глаза то загорались алым, то гасли, дыхание стало прерывистым. Она была на грани. Грани контроля. Грани своей природы.

И тогда Марк сделал нечто совершенно безумное. Он притянул ее руку к себе и прижал ее ладонь к своей груди, прямо над сердцем. «Вот. Оно бьется. Из-за тебя. Ради тебя. Так что если ты и возьмешь что-то... бери. Но потом иди со мной. И будем сражаться вместе.»

Слезы выступили на ее глазах. Не кровь, не магия. Просто соленые, человеческие слезы, которых у нее не было уже сотни лет. Они потекли по ее мраморным щекам, оставляя блестящие дорожки. Голод, ярость, страх – все отступило перед этим простым, невероятным жестом доверия. Перед этой добровольной жертвой.

«Дурак, – прошептала она, и ее голос сломался. – Глупый, безнадежный человек.»

Но она не отняла руку. Она оставила ее на его груди, чувствуя под ладонью сильные, быстрые удары его сердца. Музыка жизни, которую она была обязана защитить. Ценой чего угодно.

Постепенно ее дыхание выровнялось. Алое свечение в глазах погасло. Клыки скрылись. Она все еще была вампиром, хищницей, изгоем. Но в этот момент она была просто Элирой. А он – просто Марком.

Она медленно опустила голову, прислонившись лбом к его плечу. Это был жест истощения, капитуляции и... принятия. Он обнял ее, осторожно, чувствуя, как ее холодное, твердое тело дрожит от сдерживаемых эмоций. Они стояли так в темноте – человек и вампир, держась друг за друга как единственное якоря в бушующем море вражды.

«Мы идем на вокзал, – тихо сказал Марк, его губы почти касались ее волос. – Но не как жертвы. Как западня для тех, кто думает, что может нами манипулировать. У нас есть то, чего нет у них.»

«Что?» – ее голос был глухим, приглушенным тканью его рубашки.

«Мы знаем, что мы – пешки. А пешка, которая видит доску, перестает быть пешкой. У тебя есть знания о тактике, о силах. У меня... есть свежий взгляд. И больше нечего терять. Давай спланируем не спасение твоего друга. Давай спланируем контр-ловушку.»

Она оторвалась от него, смотря на его лицо с новым, острым интересом. В ее глазах снова вспыхнул огонь, но на этот раз – не голод, а интеллект. Опыт сотен лет войны в тени. «Контр-ловушка...»

«Виктор хочет войны. Рагнар хочет меня. Селена хочет власти. Давай дадим им все это... но не так, как они хотят. Давай устроим им встречу, где они перегрызут друг другу глотки, а мы в суматохе заберем твоего напарника и исчезнем.»

Она медленно улыбнулась. Это была недобрая, хищная улыбка, но впервые за многие дни – настоящая. «Ты становишься опасным, Марк Вейнер.»

«Рядом с тобой – иначе нельзя.» Он улыбнулся в ответ, и в этой улыбке была усталость, но и решимость. «Расскажи мне все, что знаешь о старом вокзале. Какие там пути отхода, укрытия, слабые места. И про оборотней. Их реакцию на стресс, на огонь, на шум. Все.»

Они сели на разобранный диван, плечом к плечу. Элира начала чертить схемы на пыльном полу обломком кирпича. Ее голос стал четким, деловым, голосом оперативника. Марк слушал, задавал вопросы, предлагал идеи, основанные на его наблюдениях за биологией врагов. Холод и тепло их тел смешивались в узком пространстве. Страх не исчез. Притяжение, опасное и неизбежное, тоже не исчезло. Но теперь над ними был мост – мост из общего решения, доверия и странной, невозможной надежды.

За окном город спал, не ведая, что двое изгоев в грязном убежище только что переступили последнюю внутреннюю границу и стали не просто сообщниками по несчастью, а союзниками. Партнерами. Чем-то большим, чему в этом мире не было названия и не могло быть места. Но что, тем не менее, существовало здесь и сейчас, в этой тишине перед бурей.

Старый товарный вокзал был скелетом, оставшимся от другой эпохи. Арочные пролеты из красно-бурого кирпича, разбитые стекла гигантских окон, пустые перроны, заросшие бурьяном и усеянные мусором. Луна, полная и холодная, пробивалась сквозь рваные облака, отбрасывая длинные, искаженные тени. Воздух пах ржавчиной, пылью и стоячей водой из затопленных тоннелей. И еще – напряжением, острым и металлическим, как запах перед грозой.

Элира и Марк прокрались сюда через дренажную канаву, выходящую прямо под платформу номер три. Теперь они прятались в тени разрушенной будки стрелочника, откуда открывался вид на центральную платформу – место, которое в плане, начертанном на пыльном полу мастерской, было обозначено как «точка обмена».

Марк прижался спиной к холодному кирпичу, стараясь дышать тише. Его сердце колотилось с такой силой, что, казалось, эхо разнесется по всему вокзалу. В руке он сжимал само-

дельное устройство – три баллончика с горючим газом, обмотанные изоляцией, с фитилем. Примитивная, но шумная и ослепляющая «вспышка», их план «Б» на случай полного провала. План «А» был тоньше: использовать хаос, который неизбежно возникнет, когда силы Виктора, Селены и оборотней столкнутся, выкрасть Арлена из-под носа и раствориться в подземных тоннелях до рассвета.

Элира стояла в сантиметре от него, неподвижная, как статуя. Ее взгляд сканировал темноту, уши ловили каждый звук. Она уже отметила минимум три точки, где притаились вампиры ковена – на крыше, в разбитом вагоне, в проеме двери диспетчерской. Их дислокация была слишком правильной, предсказуемой. Слишком похожей на официальную операцию, а не на засаду мятежников. Это подтверждало ее догадку: здесь командовала Селена, действуя по сценарию Виктора.

«Никаких оборотней, – прошептала она, губы почти не шевелясь. – Их нет. Не на позициях.»

«Значит, они входят позже?» – так же тихо спросил Марк.

«Или их вообще не будет. Виктор мог солгать Рагнару. Чтобы стая пришла на уже готовую бойню и получила всю ярость ковена.» Она поморщилась. Ее план рассыпался, как картонный домик. Если оборотней нет, не будет и трехстороннего столкновения, которое они надеялись использовать. Будет только ловушка Селены, расставленная специально для нее.

В этот момент на платформу вышли двое. Один – высокий вампир в форме оперативника, которого Элира узнала: Лоркан, один из людей Виктора. Он вел под руки второго – хрупкого, шатающегося мужчину с повязкой на голове и перевязанным плечом. Арлен. Его лицо было бледным от потери крови, но он шел сам, гордо поднимая голову. Элира почувствовала, как что-то сжимается у нее внутри. Старая боль. Долг.

Лоркан остановился в центре освещенного луной пятна и громко, неестественно громко для такой ночи, сказал: «Элира Нокс! Я знаю, ты здесь. Выходи. Твой напарник жив. Он будет отпущен в обмен на твою добровольную сдачу и выдачу человека Марка Вейнера. Согласие Совета на это получено. Это твой единственный шанс на помилование.»

Ложь. Грубая и наглая. Никакого помилования не будет. Арлена убьют сразу после ее появления, а ее саму либо ликвидируют, либо отвезут на суд, который будет простой формальностью перед казнью. И Марка... Марка заберут. Используют. Убьют.

Она посмотрела на Марка. Он смотрел на нее, его глаза в полумраке были широко раскрыты. Он не говорил «не делай этого». Он просто ждал ее решения. Полностью доверяя.

И тут раздался голос. Не Лоркана. Другой. Слабый, но ясный, донесшийся до ее сверхчувствительного слуха из рации, висевшей на поясе Лоркана. Голос Арлена, но не тот, что звучал сейчас – записанный, отчаянный.

«...Элира, если ты это слышишь... не приходи. Это ловушка. Они меня... они используют как наживку. Я уже мертв. Они вкололи мне что-то... серебро в кровь. Я долго не протяну. Не трать себя. Спасай своего человека. Живи...»

Запись оборвалась. Лоркан, не подозревая, что она ее услышала, продолжал стоять с каменным лицом. Арлен рядом с ним пошатнулся, и Лоркан грубо поддержал его.

Элира закрыла глаза. Внутри нее боролись два существа. Одно – оперативник ковена, для которого долг перед своим, пусть даже обреченным, был законом. Сотни лет инстинкта, дрессировки, кодекса чести солдата тени. Спасти своего. Даже если это смерть.

Другое существо было новым. Хрупким. Рожденным в промозглой ночи, когда она увидела страх в глазах человека и не смогла пройти мимо. Возвращенным его доверием, его теплом, его безумной, человеческой смелостью. Существо, которое хотело не служить, а защищать. Не системе, а жизни. Одной-единственной жизни.

Она вспомнила слова Марка: «Мы знаем, что мы – пешки». Но сейчас она не хотела быть пешкой даже в своей собственной игре. Она хотела сделать выбор. Не тактический. Не стратегический. Человеческий.

Она открыла глаза и посмотрела на Арлена. Его фигура была такой знакомой, такой частью ее старого мира. Они сражались бок о бок десятилетия. Он доверял ей спину. И теперь он просил ее не приходить. Освобождал ее от долга.

Потом она посмотрела на Марка. На его напряженное лицо, на пальцы, белые от сжатия самодельной бомбы. На ту искру жизни, которую она защитила тогда и которая теперь горела для нее.

Выбор был не между жизнью и смертью. Он был между прошлым и будущим. Между тем, кем ее сделали, и тем, кем она решила стать.

«Элира, – тихо сказал Марк, видя борьбу на ее лице. – Что бы ты ни решила... я с тобой. Если нужно выйти – выйдем вместе.»

Это перевесило. Его готовность разделить с ней даже самоубийственную жертву стала последней каплей. Она не могла вести его на убой. Не могла позволить, чтобы его свет погас в этой грязной, политической мясорубке.

«Нет, – выдохнула она, и в этом слове была окончательность, от которой содрогнулся воздух. – Мы не выходим. Мы уходим.»

Марк удивленно моргнул. «Но Арлен...»

«Арлен уже мертв. Он сам это сказал. Серебро в крови... через час он превратится в пыль. И он просил меня не приходить.» Ее голос дрогнул, но оставался твердым. «Я буду чтить его последнюю волю. А не долг перед призраком.»

Это был разрыв. Окончательный и бесповоротный. Отвернувшись от своего напарника, она отреклась от всего ковена, от всей своей прошлой жизни. Теперь она была не просто мятежницей. Она была свободна. И эта свобода пахла не победой, а горькой потерей и бесконечной тяжестью ответственности за тот выбор, который она только что сделала.

Лоркан на платформе занервничал. «Нокс! У тебя есть две минуты! Или мы начнем с него!» – он выхватил пистолет и приставил его к виску Арлена.

Элира сжала кулаки. Инстинкт кричал рвануть вперед, разорвать Лоркана, попытаться вытащить Арлена, даже если шансов нет. Но она осталась на месте. Она поставила руку на плечо Марка, чувствуя его тепло сквозь ткань. Этот контакт удерживал ее.

«Марк, – сказала она, глядя прямо перед собой, не на платформу, а в темноту за ней, где начинались спасительные тоннели. – Когда я скажу, бросай свою штуку в сторону диспетчерской. Не туда, где Арлен. Туда. Создашь шум и вспышку. И бежим. В тоннель за нами. Не оглядываясь.»

«А ты?» – его пальцы уже обхватили фитиль зажигалки.

«Я буду рядом. Я всегда буду рядом.» Она посмотрела на него, и в ее взгляде впервые не было тени хищника, сомнения или страха. Была лишь тихая, стальная решимость. «Это мой выбор. Ты. Наше будущее. Какой бы призрачной ни была надежда.»

На платформе Лоркан, поняв, что его спектакль не сработал, выругался и оттолкнул Арлена. Тот упал на колени. В этот момент из тени на крыше спустилась сама Селена Восс, ее платье цвета крови казалось черным в лунном свете. Она что-то сказала Лоркану, и тот кивнул, наводя пистолет уже не для угрозы, а для выстрела.

«СЕЙЧАС!» – крикнула Элира.

Марк чиркнул зажигалкой, поджег фитиль и швырнул баллончики в сторону диспетчерской. Он не видел, куда они упали. Он уже развернулся и бросился бежать к черному провалу тоннеля за спиной.

Раздался оглушительный хлопок, за ним еще два, и пространство озарилось ослепительно-белым, мигающим пламенем. Крики, команды, звуки оружия – все смешалось в какофонию.

Элира рванула за Марком. В последний момент, уже на краю тоннеля, она обернулась. Она увидела, как Селена, шурясь от ярости, приказывает своим людям преследовать. Увидела, как Лоркан опускает пистолет, понимая, что добыча уходит. И увидела Арлена. Он поднял голову и посмотрел прямо на нее сквозь пламя и дым. Его губы сложились в слабую, но ясную улыбку. И он кивнул. Одним движением. Спасибо. Иди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.